

Tatyana A. Agapkina*

Elena L. Berezovich**

Olesya D. Surikova**

*Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

**Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia

Toponyms in the Charms of the Russian North. I: Seas and Rivers

Voprosy onomastiki, 2018, Volume 15, Issue 1, pp. 65–114

DOI: 10.15826/vopr_onom.2018.15.1.004

Language of the article: Russian

Агапкина Татьяна Алексеевна*

Березович Елена Львовна**

Сурикова Олеся Дмитриевна**

*Институт славяноведения РАН, Москва, Россия

**Уральский федеральный, Екатеринбург, Россия

Топонимия заговоров Русского Севера. I: моря и реки

Вопросы ономастики. 2018. Т. 15. № 1. С. 65–114

DOI: 10.15826/vopr_onom.2018.15.1.004

Язык статьи: русский

DOI: 10.15826/vopr_onom.2018.15.1.004
УДК 811.161.1'282 + 39(=161.1) + 81:39(282)

Т. А. Агапкина*
Е. Л. Березович**
О. Д. Сурикова**

*Институт славяноведения РАН
Москва, Россия

**Уральский федеральный университет
Екатеринбург, Россия

ТОПОНИМИЯ ЗАГОВОРОВ РУССКОГО СЕВЕРА. I: МОРЯ И РЕКИ*

Статья открывает цикл публикаций, посвященных вопросам происхождения и бытования топонимов в заговорных текстах — устных и рукописных, — записанных на территории Русского Севера: в Архангельской, Вологодской, Олонецкой и Костромской губерниях (областях). В ней рассматриваются имена водных объектов (морей и рек), функционирующие в заговорах. Авторы максимально полно учли источниковую базу, доступную современной отечественной фольклористике. При описании каждого заговорного топонима учитываются следующие параметры: 1) варианты имени в заговорах Русского Севера; 2) количество текстов с упоминанием топонима; 3) связи топонима с другими именами географических объектов внутри данного текста; 4) изофункциональные топонимы; 5) фольклорные мотивы, в реализации которых участвует географический объект и его имя; 6) представленность данного имени в других жанрах фольклора; 7) связь с реально

*Авторская работа Т. А. Агапкиной и О. Д. Суриковой выполнена при поддержке Российского научного фонда по проекту «Славянские архаические зоны в пространстве Европы: этнолингвистические исследования», № 17-18-01373. Авторская работа Е. Л. Березович выполнена за счет средств проекта 34.2316.2017/ПЧ «Волго-Двинское междуречье и Белозерский край: история и культура регионов по лингвистическим данным», поддержанного Минобрнауки РФ.

Авторы благодарят И. И. Муллонен и А. А. Макарову за консультации при подготовке статьи.

© Агапкина Т. А., Березович Е. Л., Сурикова О. Д., 2018

функционирующей топонимией Русского Севера; 8) версии относительно происхождения названия. Авторы выделяют два основных типа заговорных топонимов: прецедентные имена собственные, имеющие прототип за пределами заговорного текста (в реальной топонимии или Священном Писании: Хвалынское море, река Иордан), и фольклорные — прецедента не имеющие; последние, в свою очередь, делятся на общефольклорные имена (встречаются не только в заговорах, но и в других жанрах фольклора, например река Смородина, море Океан) и заговорные, актуальные только для этого жанра (река Рагоза). Симптоматично, что при анализе имен, относящихся к разным типам, перед исследователями встают разные проблемы. К примеру, для библейских топонимов наиболее актуальна проблема соотношения заговорного имени с прецедентным топонимом и кругом смыслов и сюжетов, которые он аккумулирует. Названия рек поднимают вопрос о соотношении топонима в заговоре и реальной речной гидронимии — славянских и общерусских названий рек, севернорусских гидронимов.

К л ю ч е в ы е с л о в а: топонимия, гидронимия, язык русского фольклора, заговоры, Русский Север, семантико-мотивационная реконструкция.

Этой статьей ее авторы открывают серию публикаций, посвященных топонимии в заговорах, зафиксированных на территории Русского Севера.

Русский Север здесь понимается в первую очередь в «классическом» смысле — Архангельская и Вологодская области; кроме того, учитываются сопредельные регионы — Карелия (Олонецкая губерния) и Костромская область. Такой выбор зоны обследования во многом связан с полнотой источников материала, о которых будет сказано ниже.

Географические имена нечасто встречаются в заговорных текстах, поскольку образ пространства, где разворачиваются события заговора, обычно типизирован, а не индивидуализирован. Однако есть **причины, заставляющие исполнителей заговоров вводить топонимы в текст**. Самая общая и банальная из них — стремление выделить какой-либо объект из ряда с помощью имени собственного (ИС), что помогает (в числе прочего) создать иллюзию достоверности происходящего, порождая тем самым эффект «владения обстановкой», на исправление которой направлен заговор.

Есть и причина из области смыслообразования. В тексте может изображаться некое прецедентное событие, моделирующее желаемый для исполнителя результат; для него иногда выбирается сакральный локус, названный соответствующим именем: скажем, Богородица, которая символически шьет (способствуя тем самым остановке крови у заговариваемого), сидит на *Латырь-камне*, лежащем на *Фаворской горе*, у реки *Иордан*, и т. п. ИС в тексте, как хорошо известно, генерируют разнообразные эстетические смыслы. Допустим, река, фигурирующая в одной из отсушек, названа *Рогозой (Рагозой)* — от обозначения болотного растения *рогоз*. Этот фольклорный топоним помогает создать образ нужного для отсушки ландшафта, связанного с изображаемым в тексте персонажем — чертом, а кроме того, участвует в формировании звукосимволики заговора. Следующая причина

из области прагматики текста. Включение и даже нагнетание в заговорах (особенно рукописных, связанных с книжной традицией) сакральных имен способствует усилению действенности вербальной магии.

Далее назовем причины системного характера — имея в виду как систему фольклорных жанров, так и внетекстовую систему языка. Заговор взаимодействует с другими фольклорными жанрами, в которых фигурируют имена собственные (например, с историческими песнями, былинами, духовными стихами), приспособившая общефольклорную топонимию Русского Севера к своим потребностям. Что касается взаимодействия с языковой системой, то устный (преимущественно) характер трансляции текста, определяющий его вариативность, неминуемо вынуждает исполнителя хоть в какой-то мере опираться на актуальную для него номинативную практику, в которой географические имена, несомненно, играют важную роль.

Все это обуславливает появление географических названий в заговорах. При этом классы ландшафтных реалий, называемых заговорными топонимами, строго определены. Это водные объекты — моря и реки; далее суша — горы, острова, города; единично — «стороны» (земли); наконец, «точечные» природные объекты — камни и деревья (названия последних причислены к географическим именам условно). Такой набор определяется установкой на изображение сакрального пространства, в котором особую значимость имеет мифологический центр, о нем (с литературой вопроса) см. [Юдин, 1997, 19–20; Агапкина, 2010, 33–87; и др.]. О роли каждого из названных классов географических реалий в заговорном универсуме будет сказано далее, при описании конкретных разрядов топонимов.

Мы начнем анализ с имен наиболее обширных и протяженных водных объектов — *морей и рек*, которым будет посвящена настоящая статья.

Проблемы происхождения и функционирования заговорных ИС, в том числе топонимов, уже затрагивались исследователями [см. особенно: Агеева, 1982; Юдин, 1997, 16–17 (с обзором литературы)]. О топонимии, отражающей мифопоэтические представления о пространстве, см. [Березович, 2007; 2010]. Что побуждает нас вновь обратиться к заговорной топонимии, ограничив материал заговорами, зафиксированными на территории Русского Севера?

Основная причина связана с *источниками материала* — как фольклорного, так и принадлежащего системе языка. Сначала о фольклорном материале. В 1997 г. увидела свет монография А. В. Юдина «Ономастикон русских заговоров», впервые представившая общий взгляд на ономастическое пространство русской вербальной магии [Юдин, 1997]. За прошедшие с момента выхода этой книги 20 лет *источниковая база отечественной фольклористики кардинально изменилась*, в том числе в той ее части, которая связана с заговорами. В полной мере это относится и к заговорам Русского Севера, коллекция которых стала несравненно шире. Во-первых, был создан, опубликован и постоянно пополняется библиографический указатель «Восточнославянские заговоры» [Указатель

2011; Указатель 2014], составители которого нацелены на максимально полное представление публикаций заговоров, в том числе рассеянных по малоизвестным источникам и региональной периодике. Во-вторых, было осуществлено несколько крупных изданий архивных материалов — как рукописных заговоров [см.: ОЧ; РЗРИ], так и устных — дореволюционных (это прежде всего: «Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. Материалы “Этнографического бюро” князя В. Н. Тенишева», в которое отдельными томами вошли материалы по Костромской (т. 1), Вологодской (т. 5) и Олонецкой (т. 6) губерниям) и более поздних, второй половины XX в. [см.: РЗЗ], не говоря уже о множестве более частных изданий. В-третьих, было создано несколько электронных баз данных, аккумулировавших и сделавших общедоступными обширные коллекции заговорных текстов. Это Фундаментальная электронная библиотека «Русская литература и фольклор» (раздел «Заговоры» [<http://feb-web.ru/feb/zagovory/default.asp>]), где, в частности, представлены издания П. Ефименко (1878) и Н. Виноградова (1907, 1909), а также база данных «Этнография и фольклор Олонецкой и Архангельской губерний» (раздел «Заговоры» [<http://ethnomap.karelia.ru/>]), на сайте которой доступны соответствующие материалы, вплоть до газетных публикаций. В дополнение к этому на краеведческих сайтах областей Русского Севера регулярно выкладываются материалы региональной печати (областные губернские ведомости, памятные книжки и др.), пополняющие в том числе и коллекцию заговоров. Иными словами, если книга А. В. Юдина, безусловно новаторская для своего времени, основывалась приблизительно на 25 источниках, включавших материалы Русского Севера (среди которых, тем не менее, были базовые для севернорусской традиции собрания П. Ефименко, В. Мансикки и Н. Виноградова), то доступные нам сегодня материалы и источники выросли в разы. В связи с этим нам, среди прочего, предстоит оценить, расширяет ли большое количество этого нового материала топонимический словарь вербальной магии Русского Севера или же в основе своей он остается тем же и мы лишь расцвечиваем его новыми штрихами и деталями.

Что касается материала, принадлежащего системе языка, то под ним подразумеваются записи реально функционирующей топонимии. Дело в том, что именно на Русском Севере *система географических названий собрана максимально полно*. Речь идет о полевой картотеке Топонимической экспедиции Уральского университета (Екатеринбург), которая на протяжении 57 лет работала и работает в Архангельской, Вологодской и Костромской областях, а также о богатой картотеке Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН (Петрозаводск) по территории Карелии.

Могут ли полевые топонимические материалы сыграть сколь бы то ни было значимую роль при изучении заговоров? Эта роль совсем не очевидна, если учесть, что тексты, записанные на Русском Севере, могли быть созданы на другой территории, а заговоры отражают преимущественно представления о сакральном пространстве, а не об окружающей исполнителя географической действительности.

Однако заговорная и реально функционирующая топонимия неизбежно должны взаимодействовать друг с другом. Из-за обстоятельств системного и прагматического характера реальные топонимы могут «прорваться» в заговор как прецедент или же служить фоном, контекстом, поддержкой для вымышленной топонимии текста. Интересно выяснить, к каким разрядам ИС это относится в наибольшей степени, а к каким — в наименьшей, определить причины возможной неравномерности. Можно предположить и обратное: заговорная (и вообще фольклорная) топонимия, вероятно, способна оказывать определенное влияние на реальную. Допустим, такое название, как *Сион*, могло появиться в реальном топонимиконе Русского Севера (соответствующие примеры см. в [Березович, 2010, 91–92]) с поддержкой фольклорного (заговорного) «ретранслятора». Характер такого влияния мы тоже попытаемся определить (это невозможно по отношению к отдельным конкретным топонимам, но исполнимо на уровне некоторой вероятностной модели).

Итак, в статье ставятся *вопросы происхождения и бытования топонимов в заговорном тексте на примере Русского Севера* — территории, где достаточно полно собрана как заговорная традиция, так и реально функционирующая система географических названий.

Говоря о происхождении и бытовании ИС, мы стараемся охарактеризовать роль имени в мотивной организации текста, в его поэтике, системные связи в фольклорной и языковой традициях, статус слова на шкале «имя нарицательное — собственное». Таким образом, при анализе каждого заговорного топонима будут учтены следующие параметры описания:

- варианты имени в заговорах Русского Севера;
- количество текстов с упоминанием топонима (разумеется, цифры здесь имеют не абсолютное, а относительное значение: при репрезентативности нашей выборки мы далеки от мысли считать ее исчерпывающей; кроме того, в ряде случаев — из-за «колеблющегося» статуса лексической единицы на упоминавшейся шкале проприальной и апеллятивной лексики — точные подсчеты невозможны);
- связи ИС с другими топонимами внутри данного текста;
- изофункциональные топонимы (представленные в других заговорных текстах, но выполняющие сходные сюжетные функции);
- мотивы, в реализации которых участвует географический объект и его имя (на основе характеристик объекта — местонахождения, качеств, обозначенных эпитетами и предикатами, а также указания на персонажей, связанных с локусом, и их действий);
- представленность данного имени в других жанрах фольклора;
- связь с реально функционирующей топонимией Русского Севера;
- версии относительно происхождения названия.

Разумеется, это идеальная модель — и далеко не во всех случаях все рубрики будут иметь наполнение, поэтому задача жесткого следования представленной рубрикации (а также порядку расположения рубрик) не ставится. Более того,

по отношению к разным типам географических объектов в статье будут приняты различные модели описания и компоновки материала. Это связано с тем, что разные типы имен поднимают разные проблемы. К примеру, для библейских топонимов (которые особенно активно представлены в названиях городов и гор), широко вошедших в устные заговоры и рукописные молитвы, — это в первую очередь проблема соотношения фольклорного ИС с прецедентным топонимом и кругом смыслов и сюжетов, которые он аккумулирует. Для названий рек это вопрос о соотношении топонима в заговоре и реальной речной гидронимии. Таким образом, заведомая пестрота материала определила некоторые отличия при описании и исследовании отдельных топонимических классов.

Есть несколько *типов (категорий)*, на которые мы условно делим всю коллекцию топонимов в заговорах Русского Севера. В первую очередь, выделяются *прецедентные* топонимы, имеющие источник (прецедент, прототип) за пределами заговорного текста (в том числе в Священном Писании), которые противопоставлены топонимам, не имеющим такого источника. Денотат последних вымышлен. Они условно названы *фольклорными*¹; среди них представлены *общefольклорные* имена (встречаются не только в заговорах, но и в других жанрах фольклора: река *Смородина*, остров *Буян*) и *заговорные*, актуальные только для данного жанра. Прецедентные имена тоже можно группировать, выделяя библейские прецеденты, славянские, общерусские, местные и др.

Следует, однако, понимать, что деление на прецедентные и фольклорные имена не является жестким. Названия второй группы не имеют четко устанавливаемого прецедента за пределами текста, однако они «подпитываются» той системой географических названий, которая бытует вне фольклорного произведения. Прецедентные топонимы включаются в ткань текста и обретают дополнительные смысловые приращения; с другой стороны, фольклорные названия могут получить новую мотивационную жизнь, испытывая аттракцию к реальным топонимам. Такое положение дел, обеспечивающее прозрачность и «проходимость» границы между данными группами топонимов, соответствует природе фольклорного текста, перерабатывающего затекстовую действительность и творящего свою.

Кроме того, с точки зрения мотивационной прозрачности могут быть выделены топонимы с устанавливаемой мотивацией и «темные» названия.

В зависимости от того, к какой или каким категориям относится тот или иной топоним, авторы прибегают к разным методам его изучения, привлекают в качестве сопоставительного фона фольклорный или диалектный материал, библейские параллели.

¹ В широком смысле фольклорные топонимы — все названия, встречающиеся в фольклорном тексте (в том числе, к примеру, гидроним *Юза* — название реальной реки в Вологодской области, попавшее в заговор). Мы же пользуемся узким смыслом термина *фольклорный топоним*, связанным не с функционированием ИС, а с его происхождением: фольклорными являются названия, не имеющие прототипа в реальной системе географических имен.

В работе максимально полно (но, разумеется, не исчерпывающе) использованы устные и рукописные заговоры из губерний (областей) Русского Севера — Архангельской, Вологодской, Олонецкой и Костромской. При этом авторами не учитываются молитвы и их переработки, псалмы, духовные стихи и некоторые другие тексты разных жанров, не относящиеся к собственно заговорам (в том числе «Сон Богородицы»); отдельные источники, вызывающие сомнение в подлинности включенных в них текстов (вроде собрания И. П. Сахарова), а также источники, не имеющие надежной географической атрибуции.

При цитировании текстов авторы руководствуются следующими правилами. В отношении рукописных сборников соблюдена орфография источников. Географическая атрибуция текстов, взятых из рукописных сборников, осуществляется по тому месту, где они были приобретены или где жил владелец рукописи. Из экономии места заговоры приводятся во фрагментах, поэтому отточия в цитатах всегда принадлежат авторам статьи. При сопоставлении заговорных названий с реальными топонимами Русского Севера для последних в скобках указываются районы фиксации без ссылки на источник (подразумевается, что названия извлечены из картотеки Топонимической экспедиции УрФУ [ТЭ]).

Море, океан

Географический объект, который (наряду с полем) чаще других упоминается в восточнославянских заговорах. В то же время по количеству ИС, к нему относящихся, море заметно отстает от некоторых других объектов (в том числе рек). В подавляющем большинстве случаев в заговорах фигурирует *Океан море*, значительно реже — другие ИС. Слово *море* входит в состав практически всех «морских» топонимов, которые будут рассматриваться далее. Жители Русского Севера под этим словом далеко не всегда подразумевали *море* в его современном литературном значении, ср., к примеру, арх. *море* 'звонят крестьяне Онежское озеро' [Куликовский, 1898, 56] (подобные значения, говорящие о восприятии моря как огромного водоема вообще, отмечены в различных славянских языках [ЭССЯ, 19, 227–229]). Показательно, что в заговорах Русского Севера (территории, где есть знаменитые большие озера) слово *озеро* практически не встречается.

Океан море

Н а з в а н и я: *Оке(и)я(а)н море, море Оке(и)я(а)н, Акиан море*, ед. *Екиан море* (Пудож.) [Мансикка, 1926, № 128], *Киян море* (Ник.?) [ОЧ, 223]; *Окиянское море* (Карг.) [Рыбников, 4, 263; Ведерникова, 2004, 138], *море Откиян* (Ник.?, XVII в.) [ОЧ, 179], *море окияно* (Олон., XVII в.) [РЗРИ, 99, № 18]; ср. также предл. п. в *окияном синем море* [РО ИРЛИ, р. V, колл. 192, с. 245, № 7]. Возможно, к *Окиян морю* восходит мифотопоним *Диян море*: «...выиду в чистое поле, с чистого

поля — в *диян-море*, в *диян-море* стоит бел латырь камень...» (Выт.) [РК 6, 184]. Обычно ср. р., редко — муж. р. (*славный океан-море*).

Соответствующие мифотопонимы высокочастотны и насчитывают в рамках заговорной традиции Русского Севера более двух сотен фиксаций.

Постоянные эпитеты: прежде всего *синее* (*Окиян синё морё*), *святое* (*святое море Океан*), *славное* (*славное Океан море*), *великое* (*Окиян-море великое*), *пречестное* (*пречестное святое Окиян море*); встречаются также составные эпитеты: *славное святое океян море*, *Акиян-синее море — всем морям море*, *святой русский Океан море*. Эпитеты могут помещаться до или после ИС (чаще всего), но иногда они разделяют ИС и географический термин: *в Окияни синём мори*, *Океан святое море*.

Локализация *Океан моря*, как правило, не указана; единично определяется как находящееся в максимально широком пространстве: *под красным солнышком*, *под восточной стороной / на восточной стороне*, *в чистом поле*, исключительно редко в других местах.

Об *Океан море* обычно говорится, что оно *есть* («есть в чистом поле славное святое океян море» (Олон.) [Лосев, 1906, 3]), редко — что оно *стоит*: «в этом острове соколином стоит океан-море» (Влг.) [РК 5/2, 545].

События происходят, а субъекты и объекты локализуются *на море Окияне*, *в море Окияне*, *среди океяна моря*, *за окияном морем*, *у окиана моря*, а также — при указании на движение — *к морю Океяну*. При этом соответствующий предлог может стоять перед ИС в целом (как в приведенных примерах) или — реже — дублироваться: *на море*, *на Окияне*; *на том на акияне на синем море*; *к синему мору к Окияну*.

На западе Русского Севера (Олонецкая губ., Онежский у. Архангельской губ. и др.) иногда встречаются ИС с несклоняемой (неизменяемой) первой частью, ср. *в синем окиан-море*, что характерно и для других мифотопонимов в заговорах этого региона: «*В Океан море* стоит белый латырь-камень. *На том белом латырь-камне* сидит матушка Пресвятая Богородица...» (Пудож.) [Кофырин, 1900/100, 2].

Океан море входит в состав нескольких **мотивов**.

Первый и основной мотив, на который приходится по крайней мере две трети фиксаций этого ИС, — так называемый мотив сакрального (или мифологического) центра. Мотив сакрального центра тяготеет к трехуровневой структуре. Внешний, или первый, уровень этой структуры представлен «пространными» географическими объектами (сторона, поле, *Океан море*, значительно реже некоторые другие); на втором уровне чаще всего находится остров, гора, иногда река; на третьем — точечный ландшафтный объект — церковь, камень, дерево / куст (а также престол, столб, гробница и др.); многим из этих объектов часто также присваивается ИС (о мотиве сакрального центра см. [Элиаде, 1999, 222–224; Топоров, 1983, 256, 259; Юдин, 1997, 20–21; Агапкина, 2010, 33–87]). В/на/около объекта третьего уровня, т. е., формально говоря, в центре *Океан моря*, находятся субъекты, среди которых

сакральные лица, персонажи Библии и апокрифического предания, лица, обладающие высоким социальным статусом, лица — носители особых способностей, царица / царь змей, чудесная щука или птица и некоторые другие.

Здесь уместно заметить, что наиболее частотной парой, объединяющей объекты первого и третьего уровней (географический и ландшафтный), является пара «море — камень» («*Океан море* и *камень Алатырь*»). Ниже мы рассмотрим мотивы, для которых эта пара актуальна и которые хотя бы отчасти могут в этом смысле наследовать мотиву сакрального центра.

Второй мотив, в котором фигурирует *Океан море* (и *Латырь камень*), — «Некто прячет ключ от заговора (под камень) в *Океан море*». Напомним, что образы ключа и замка часто входят в заключительную часть заговора, в том числе собственно в закрепку, поэтому ИС *Океан море* занимает в таких случаях место не в начале текста (как в случае с мотивом сакрального центра), а в самом его конце: «И тем моим словам ключ и замок, и замок замкну, и снесу замок в акиян-море под латырь камень...» (Пин.) [Ефименко, 1878, 142, № 15]; «...емлет аггел мой хранител(ь) тридевять ключев и спускает в окиан море...» (Олон., XVII в.) [РЗРИ, 99, № 18]. А. Л. Топорков усматривает в этом мотиве связь с образами Апокалипсиса [см.: Там же, 184].

Третий мотив, в котором упоминается ИС *Океан море*, причем тоже в связи с *Латырь* (и другим) *камнем*, — «Как крепок камень в *Океан море* / др., так же крепка ограда вокруг имярека / скотины // так же крепко слово заговора». В рамках этого мотива море (*Океан море*, а также другие моря: *Черное*, *Белое*, *Хвалынское*, *Варяжское*, *Арапское*, см.) — это место, где находится камень как символ крепости. При этом заговору мало сравнить «оборону» вокруг имярека или заговорное слово с одним камнем. Для усиления магического эффекта используется несколько поименованных камней в нескольких поименованных морях: «...как белый камень в Белом море, как черный камень в Черном море, как арап камень в Арапском море, как Хвалын камень в Хвалынском море и как окиан камень в Окиане море и как окиан-камень не крошится и чтобы так крепок был мой огород и запор кругом меня...» (Олон.) [Мардарьев, 1914, 13].

Четвертый мотив, точнее группа мотивов, — это формулы невозможного, широко использующие образ моря вообще и ИС *Океан море* в частности: «...снеси, свет храбрый Георгий, тридесять ключев в славное святое Окиан море, и положи под бел Лотырь камень; и как белому камению не сплавывать на верх святого Окиана моря, и так бы не убивывать черному зверю и волку рыскуну моего скота и живота...» (Сольвыч.) [Ордин, л. 25 об. — 26]. Основные мотивы формул невозможного: «*море Океан* высохнет / некто высушит *Океан море*»; «некто пересчитает траву на *море Океане*»; «некто превратит старый пень в зеленеющее дерево около *моря Океана*»; «ведуны пожрут *Океан море*»; «некто вынет из *моря Океана* всех рыб»; «некто добудет ключи со дна *моря Океана*»; «*Латырь камень* будет плавать по *Океан морю*».

Пятый мотив характерен для скотоводческих (реже для охотничьих) заговоров и по сути является сравнительной формулой: «Как реки стекаются в Океан море, так пусть скот собирается домой // животные стекаются в ловушки охотника»: «...и как стекаются быстрые реки и малые источники во славно окиан море, такожде мой милый скот, крестьянский живот, любимое коровье стадо, шли бы плелися-вилися в одно место <...> к домам своим...» (Олон.) [Рыбников, 4, № 25]. Характерная для этого ИС функция обозначения сакрального центра (на уровне заговорной традиции в целом) соотносится с тем, что в рамках данного мотива *Океан море* символизирует уже центр земли, куда стекаются реки, подобно тому как дом, куда стекается скот, символизирует центр культурного, человеческого пространства.

Шестой мотив — «Папа Римский Климент выходит из *Океан моря*»: «Есть море Океан, в оном море Климент папа Римский выносит питье медовое и кормит мой скот, милой живот...» [Елпидинский, 1872, 586]. По мнению В. Мочульского, в подобных случаях *Океан море* приобретает конкретное значение: данное ИС начинает ассоциироваться с Черным морем, в котором принял мученическую кончину папа Римский Климент, изгнанный из Рима императором Траяном в Инкерманские каменоломни недалеко от Херсонеса Таврического [Мочульский, 1887, 123].

Наконец, седьмой мотив представляет *Океан море* совсем иначе — не как сакральный центр, а скорее как периферию — локус, куда отсылают болезни или недругов. Их отправляют либо прямо в *Океан море* («Мать Пресвятая Богородица <...> прикажи заковать, забить от благословенного живота от скотинушки <...> 12 злых недужищев <...> загонить их в окиан море, на самое роднище (туда, где начинается само море. — *Комм. собир.*), в безживотную сторону...») (Костр.) [ИКУ, 249]), либо за *Океан море*, которое в этом случае представляется пространством, идеально бесконечным по своему размеру и тем самым — по расстоянию от объекта защиты: «Нашли, Господи, злых лютых <...> кабилей <...> чтобы прогнали с моей поскотины <...> и от моего вышписаного коровьего стада черных и диких и разных разношерстных зверей медведей за сини окианы море за дикие лиса...» (Арх.) [Ведерникова, 2004, 138].

Этими базовыми мотивами, в которые в заговорах Русского Севера оказывается вовлечено *Океан море*, не исчерпывается их сюжетное разнообразие. *Океан море* выступает также в качестве сквозного имени-образа, когда его появление в одном месте провоцирует вовлечение в текст другого мотива с его же участием. Нанизывание мотивов с этим ИС является особенностью прежде всего севернорусских «отпусков» (пастушеских и охотничьих) — охранительных текстов, произносимых в составе соответствующих обрядов; в этих текстах запрашивается покровительство на выпас скотины, охоту или рыболовство. Такое нанизывание характерно в основном для заключительных фрагментов отпуска, для его закрепки. Чаще в заговорах соединяются два мотива с этим именем-образом, но бывают и исключения. Краткий охотничий отпуск из Вытегры соединяет

(1) мотив «Некто прячет ключ от заговора в *Океан море*», (2) мотив сакрального центра и (3) формулу невозможного: «(1) К моему к этому слову ключ и замок брошу в Океян-Море. (2) На Океяне-Море остров лежит, а на берегу бел-горюч камень Алатыр. Под этим камнем шука поглотит мой ключ с замком. (3) Кто кругом Окияна-Море обойдет, воду из Окияна-Море выпьет, кто ту шуку добудет, ключ с замком возьмет, тот мой промысел спортит» [Севрин, 2005, 127]. Ср. аналогичную комбинацию формул невозможного, сгруппированных вокруг другого мифотопонима — *Латырь каминь*, в пастушеском отпуске из Каргопольского р-на [Знатки, 335–337].

Происхождение и статус *Океан моря* как ИС

Рус. *океан* восходит к др.-рус. *океанъ, окианъ* и др., а оно, в свою очередь, — к греч. *Ἐκεανός* ‘море; река, обтекающая землю’ [Фасмер, 3, 128]. По мнению А. Преображенского [1, 642], употребления типа *окиан-море, море-окиан* называют, что *окиан* понимается как собственное имя. В [СРНГ, 23, 117–118] рус. диал. *окиан, окиан* приводится с пометой «фольклорное», а в качестве примеров даются отрывки из фольклорных произведений, подтверждающие осознаваемую «иноязычность» этого слова и его неактуальность для русской диалектной речи. По мнению Р. А. Агеевой, смысл апеллятива *океан* в заговорах полностью утрачен, и это слово становится чистым знаком-топонимом. Разнообразие вариантов имени *Океан* (*Киян, Куян* и т. д., см. выше), а также перенос его на другие объекты (остров, гору, поле; добавим к этому списку также *Окиян древо*) свидетельствует, как утверждает исследовательница, о том, что *Океан* — топоним [Агеева, 1982, 135]. Это мнение разделяет А. В. Юдин, делая акцент на иноязычности слова и соответствующем его восприятии народным сознанием [Юдин, 1997, 176].

Р. А. Агеева, кроме того, полагает, что, поскольку в заговорах употребление названия *Океан море* тесно увязано с другими мифическими реалиями, оно может рассматриваться только в мифологическом ключе, без отсылки к реальному прототипу [Агеева, 1982, 138], а также допускает, что слово *океан* проникло в устные заговоры из рукописных текстов [Там же, 142–143].

На наш взгляд, статус *Океан моря* как ИС поддерживается текстом «Стиха о Голубиной книге», в котором об *Океан море* говорится, что оно — *всем морям отец (мат)* [СКД, 211]², т. е. *Океан* явно имеет значение имени, выделяющего данный объект из ряда других объектов того же класса (в этом же ряду в тексте «Стиха...» *Иордан* и *Ильмень*, считающиеся «матерями» всех рек и озер). Стоит

² Многочисленные варианты «Стиха о Голубиной книге» дают разные объяснения тому, почему *Океан море* «всем морям мати». Наше внимание привлекло такое толкование: «Обошло киянь-море вокруг земли, / Вокруг земли, всей подселенная, / Потому киянь-море над морями мать» [Варенцов, 1860, 25]. Это согласуется с мнением Р. А. Агеевой о том, что первоначальным образом формулы *океан море* было просто море, возможно, в значении ‘большая вода’.

также отметить, что в беломорских былинах сочетание *Окиян море* может обозначать Ледовитый океан [СРНГ, 18, 261].

Вопрос об истоках топонима *Океан море* занимал исследователя «Стиха о Голубиной книге» В. Мочульского [1887]. Происхождение представлений об этом имени Мочульский связывал с древними апокрифами, в частности с апокрифами о рае, далее которого на востоке³ не было ничего, кроме большой воды. Так, в апокрифе «О всей твари» сказано, между прочим: «за 'акиядномъ же е(с)ть земля на неже раи и мѣки» [Тихонравов, 2, 350]. Это же представление о *море Океане* (т. е. о воде, обтекающей землю), по его мнению, вошло в византийские хроники Иоанна Малалы, Георгия Амартола (ср. «Ѓбитѣкаа великыи окианъ всю землю» [Срезневский, 2, 641]) и Константина Манассии, а затем в славянские переводные хронографы и переводные космографии [Мочульский, 1887, 119–121].

В заключение отметим, что в реальной системе географических названий Русского Севера *океан* фиксируется в микропонимии: есть оз. *Океан* (Мез.) и бол. *Океан* — «Большое очень» (Чаг.). Это говорит о включенности (возможно, поздней) образа в языковую традицию.

Ледовитый океан

Продолжая дискуссию о статусе *Океан моря* как ИС, мы хотели бы вернуться к мнению Р. А. Агеевой, утверждавшей, что за данным топонимом не просматривается реальный прототип. В этом смысле кажется уместным сравнить *Океан море* с *Ледовитым океаном*, отмечаемым в заговорах Русского Севера, по нашим данным, лишь дважды: «...как источники земли Русской собираются в один Ледовитый океан — так собралась бы и моя милая скотинушка в одно место в начале выпехе (?) месяца и шла бы домой ко своим домам...» (отпуск скота; остуда) [РО ИРЛИ, колл. 192, № 1, с. 260, № 32]. Мы полагаем, что в отличие от *Океан моря* как сугубо фольклорного топонима *Ледовитый океан* является реальным топонимом, вошедшим в поэтическую традицию Крайнего Севера Европейской России⁴. Это подтверждает, во-первых, тот факт, что реальный топоним фиксируется в русском языке по крайней мере с XVIII в. [СлРЯ XVIII, 11, 140] (проникновение достаточно позднее, но не противоречащее «миграции» в фольклор). Во-вторых, на это указывают не только совсем уж редкие фиксации его в заговорах, но и довольно частые — в былинной традиции и исторических песнях, причем прежде всего Печоры и Зимнего берега: «От того, от моря от синего, / От того, от океана Ледовитого / Ехал старбй да Илья Муромец на добром кони...» («Илья Муромец и Соловей-разбойник») [БП, 344, № 61].

³ Представление о том, что *Океан море* лежит на крайнем востоке, важно для нашего исследования еще и потому, что в заговорах есть указание на локализацию *Океан моря* в восточной стороне: «Есть на восточной стороне Окиян-море великое...» (Костр. Костр.) [Виноградов, 1, № 79].

⁴ Кроме того, возможно, топоним *Ледовитый океан* имеет ассоциативные связи с названием реки *Ледь* в Архангельской обл. (на уровне отсылки к слову *лед*), также вошедшим в заговоры (см.).

Исследователи былин уже отмечали эту особенность. Т. А. Бернштам, в частности, писала: «Во многих печорских былинах повторяется стандартная ситуация: богатырь выезжает на крутую гору или выходит на крыльцо (“на рели превысокие”) и “зрит-смотрит” во все стороны <...> на севере он неизменно видит “море синее”, “ледяные горы”, “сини моря ледовитые” и даже “ледовитый океан”. Близкие по содержанию описания присущи также мезенским, кулойским и поморским былинам» [Бернштам, 2001, 101].

1. Фольклорный топоним *Океан море* является самым частотным в заговорной традиции Русского Севера (как и вообще восточнославянской). При этом если на остальной территории Восточной Славии *Океан море* фигурирует практически только в составе мотива сакрального центра, то заговоры Русского Севера (особенно рукописные) формируют целый ряд мотивов с его использованием. Риском предположить: хотя бы отчасти это объясняется тем, что на Русском Севере заговорная традиция в определенной мере соотносит ИС *Океан море* со вполне реальными географическими объектами (Белое море, Ледовитый океан, Онежское и другие крупные озера, большая вода вообще), в то время как для других регионов *Океан море* — всего лишь стереотипный образ, входящий в устойчивую формулу сакрального центра. О влиянии реального географического ландшафта и реальной топонимии на фольклорную топонимию заговоров Русского Севера свидетельствует также ИС *Ледовитый океан*, получившее распространение в эпическом фольклоре этой территории.

2. *Океан море* — прежде всего благодаря его вхождению в образ сакрального центра, а также в силу географического статуса объекта, им обозначаемого, — оказывается связанным с двумя более частными мотивами. Во-первых, с мотивом центра вообще, своего рода локуса притяжения (ср. «собрание» скота к дому подобно стеканию рек к морю), во-вторых, с мотивом камня (прятание ключей от заговора под камень в *Океан море*; уподобление заговорного слова крепости камня в *Океан море*). Эта связка — *Океан море* и (*Латырь*) *камень* — обнаруживается и за пределами заговорной традиции, в других жанрах, где фиксируется ИС *Океан море*, см. в былине: «Ты честна вдова Офимья Александровна! / Ты несчастного породила Добрынюшку! / Лучше бы ты породила Добрынюшку / Белым камешком горячим, / Ты бы выстала на Скат-гору высокую, / Ты бы бросила в Киян-море глубокое: / Там лежал бы этот камешек век по веку...» («Добрыня и Василий Казимиров») [ДНАП, 57, № 13]. Попутно отметим, что ИС *Океан море* представлено также в целом ряде других жанров на Русском Севере — в былинах, сказках, исторических песнях, балладах, преданиях и т. д.

3. Системные связи ИС *Океан море*, как правило, ограничиваются фольклорными топонимами: оно соотносится с парой *Буян остров* и (*Латырь*) *камень* прежде всего, а также с рядом других морей (*Варяжское*, *Арапское*, *Хвалынское*,

Белое, Черное и др.) и камней, полуреальных-полуфольклорных, в пастушеских отпусках и некоторых других заговорных текстах.

Хвалынское море

Хвалынское море (*море Хвалынское*), ед. *волынское* [Ефименко, 1878, 181]. Как отмечает А. В. Юдин, фонетических и орфографических вариантов этого ИС нет. Около десяти фиксаций. От др.-рус. *Хвалисьское море*, *Хвалимское море* и пр. (в свою очередь, от ср.-перс. *Xvārēzm* и др.) как старого названия Каспийского моря [Фасмер, 4, 229]. На это название обращал внимание В. Н. Топоров в связи с исследованием иранского элемента в русской культуре [Топоров, 1989, 54–55].

В заговорах Русского Севера *Хвалынское море* — второй по частотности топоним, обозначающий море. Учитывая его южную «прописку», это могло бы вызвать некоторое удивление, если бы не тот факт, что *Хвалынское море* находит серьезную поддержку в фольклорной традиции Русского Севера, и прежде всего в былинах, содержательно ориентированных на «богатырство Киевское». Как заметил в той же работе В. Н. Топоров, «хорезмийские» следы в географических названиях (и в частности *Хвалынское море*) не раз встречаются в пространстве между Средней Азией и Южной Россией, в том числе в Киевской Руси [Топоров, 1989, 32].

Хвалынское море соседствует в заговорах Русского Севера с *Терской стороной*: «На синем море, на синем на Хвалынском, на волынском, в Терской стороне есть морские звери...» (г. Мезень) [Ефименко, 1878, 181]; об этом обозначении будет подробнее сказано в следующей нашей статье о заговорной топонимии Русского Севера (см. также ниже — о реке *Терка*).

Подобно другим фольклорным топонимам, *Хвалынское море*, как заметил А. Л. Топорков, лишено географической определенности; например, в былинах в *Хвалынское море* впадает *Волх-река* (Волхов), на которой стоит Новгород; Василий Буслаев добирается из Новгорода в Иерусалим через *Каспицкое море* и т. д. [РЗРИ, 171].

Мотивы, в составе которых в заговорах фигурирует *Хвалынское море*, фактически те же, что относятся к ИС *Океан море*. Это сравнение крепости заговорного слова с крепостью камня в море: «...дабы моя огорода была Божией милостью и мои слова были бы крепки <...> аки хвалынь камень в Хвалынском море...» (Холм.) [Ефименко, 1878, 171], а также мотивы сакрального центра, прятания ключей в море, формулы отсылки и некоторые другие.

Варяжское море

Одна фиксация; контекст употребления тот же, что приведен выше, в разделах *Океан море* и *Хвалынское море*: «...аки араг камень в Варяжском море...» (Холм.; отпуск скота, рукоп.) [Ефименко, 1878, 171].

От др.-рус. *Варяжское море* (упоминалось в Лаврентьевской летописи), под которым понималось Балтийское море [Фасмер, 1, 276]. О семантике этого топонима (в ряду других названий, образованных от *варяги* ‘выходцы из Скандинавии, объединявшиеся в вооруженные отряды для торговли и разбоя’) и его происхождении см. [Аникин, 6, 100–102]. Особо следует отметить, что различные производные от основы *варяг-*, представленные как в ономастике, так и в диалектной лексике, локализуются преимущественно на Европейском Севере России [Там же, 100]: это неудивительно с учетом «сферы действия» производящего этнонима. Как и в случае с *Хвалынским морем*, *Варяжское море* может, по всей видимости, лишаться географической определенности, ср. арх. *варяжá* ‘заморец, иноземец; заморская сторона’ [Даль, 1, 16].

Тивериадское море

Одна фиксация в рукописной молитве XVIII в. «как хочещи рыбы ловить»: «...и помолюся Спасу и Пречистой Богородицы и святым верховным апостолом Петру и Павлу: помолитесь о мне р(абе) Б(ожием) и(мярек) истинному Христу Царю Небесному, како рыбу уловить своим частым неводом на пропитание мне р(абу) Б(ожиему) и(мярек) и, како вы, святии апостоли, ввергоша мрежи своя в Тивериадское море Божиим повелением и уловиша множество много рыб, и извлекоша на землю, о чем мрежа не проторжеса, тако и мне р(абу) Б(ожиему) и(мярек) помогайте и посылайте рыб к моему шелковому частому неводу и за удицу извлещи множество рыб малых и великих...» (Олон.) [Смилянская, 2002, 339]. Этот фрагмент является прямой отсылкой к эпизоду Евангелия от Иоанна, где рассказывается о рыбачивших на Тивериадском море (оно же *Галилейское море*, *Геннисаретское озеро* в Палестине) апостолах (с той лишь разницей, что вместо Петра и Фомы здесь фигурируют Петр и Павел), которым Христос наполнил сеть рыбой, и она при этом не порвалась (Ин. 21:1–11).

Асаф-море

Одна фиксация; обозначает место действия в начале Сисиниевой молитвы: «На море на Асафе, под дровом вишневым стоят три ангела: первый — архангел Михаил; второй — Кузьма-Демьян; третий — Симон святой...» (Костр.; от лихорадки) [Виноградов, 1, № 100]. Вероятно, топоним «мигрировал» из лечебного заговора, записанного на той же территории, где он, однако, называет другой топоним — гору, ср.: «Встану я, благословясь, пойду я, раб Божий Макар, во чисто поле. В чистом поле стоял дуб Лаврентий; и под дубом под Лаврентьем, на горе Асафе, и стоят тут 12 сестер, беззастежных и простоволосых, и спрашивает их батюшка Михаил архангел...» [Там же, № 101]. Это особенно вероятно в силу совпадения падежа: *На море на Асафе* и *на горе Асафе* (не исключается и ошибка / описка: географические термины различает одна только буква). Название горы, в свою очередь, образовано от антропонима *Асаф* (< мужское личное имя

Иосаф). Причины выбора этого имени как производящей основы для топонима мы прокомментируем в нашей следующей статье, где будут анализироваться названия гор в заговорах Русского Севера.

Менее вероятна другая версия: море *Асаф* может быть связано с *Иосафатовой долиной* (от имени царя *Иосафата*), упоминаемой в книге пророка Иоила (Иоил. 3:2,12).

Черное море

Не менее шести фиксаций в рукописных и устных заговорах. ИС *Черное море* является церковнославянской калькой греч. Ἐρυθρὰ θάλασσα, означающего Красное море [Фасмер, 4, 344], ср. др.-рус. *чърмъныи* ‘красный, багряный’ [Срезневский, 3, 1559]. Может соотноситься или не соотноситься с прототипом.

В рукописной молитве XVIII в., видимо, из Олонецкого края, — «Указ как кош в воду ходить, чтоб не топила» — *Черное море* является прямой аллюзией на географический прототип и связанные с ним события: «...и како Моисей привел и(зра)ильтельских людей сквозе Черное море по суху, и вода ему была, яко стена со всей страны, и не топила, и не мочила <...> и так бы <...> и мне р(абу) Б(ожию) и(мярек) стала бы она около меня р(аба) б(ожия) и(мярек), аки стена тверда...» [Смилянская, 2002, 327]. Здесь имеется отсылка к эпизоду из Книги Исход: «И простер Моисей руку свою на море, и гнал Господь море сильным восточным ветром всю ночь, и сделал море сушею, и расступились воды. И пошли сыны Израилевы среди моря по суше: воды же были им стеною по правую и по левую сторону» (Исх. 14:21–22). Аналогичным образом реальное Красное море упоминается в начале Сисиниевой молитвы: «При море Черном стоит столб каменный и все тут стоят 4 евангелиста...» [Ефименко, 1878, 205], поскольку действие в ней происходит у горы Синай, расположенной вблизи Красного (Черного) моря.

В других случаях *Черное море* обозначает просто море как место действия заговора: «Летит ворон через Черное море, несет нитку. <...> Ты, нитка, оборвись, а ты, кровь, уймись» (Пин.) [Ефименко, 1878, 211].

Черное море

Не поддается статистическому учету по причине неопределенности статуса ИС.

Часто выступает как замена ИС *Черное море*, причем два этих названия могут сосуществовать в рамках одного текста. Замена объясняется фонетической близостью обоих имен, а также неудобством воспроизведения консонантной группы *-рмин-* в топониме *Черное море*: «При чернем море стоит столб каменен, сидят два ангела Сисиней и Синаил и смотрят на море черное; и возмутишися море до облак и сги раздоша из моря семь жен простоволосых...» (Влг.; Сисиниева молитва) [Ордин, № 1]; «В темном лесе есть Черное море, в Черном

море есть плавает Черт да Чертуха, Водянной да Водяннуха, в одно место хребтами, порозно лицами; думы не думают, совету не советуют <...> они бьются, дерутся, царапаются на смерть. И так бы раб Божий каждый день и каждый час бился, дрался с рабой Н Божией...» (Шенк.) [Виноградов, 3, 4]. Фигурирующее в начале последнего заговора *Чермное море* в дальнейшем заменяется *Черным морем*, чему способствует контекст заговора: упоминание о темном лесе (соотносящемся с чернотой) и звуковая аттракция *Чермн- — Черн- — Черт*. Подобная аттракция, очевидно, является вполне устоявшейся в русской фольклорно-языковой традиции, ср., к примеру, проклятие *Черному-черемному соль в шары* (перм.) [СРГКПО, 300].

В отношении значительной части контекстов, где фигурирует *Черное море*, А. В. Юдин пишет: «Несмотря на то что *Черное море* входит в ряд фольклорных цветковых названий морей <...> существование реального и всем известного Черного моря <...> удерживало это название в категории имен собственных, не давая ему восприниматься исключительно как цветковое определение» [Юдин, 1997, 201–202].

На наш взгляд, для традиции Русского Севера топоним *Черное море* неактуален. Мы готовы безусловно признать существование в этой традиции двух значений *черного моря*: *черное море* как словосочетание, в котором *черный* — лишь традиционный эпитет к апеллятиву *море*; *Черное море* как заместитель малопонятого и труднопроизносимого *Чермное море*. О втором значении уже говорилось выше; первое реализуется в контекстах типа «аки синей камень в Синем море, аки черной камень в Черном море» [Ефименко, 1878, 171], где скорее усматривается поэтическая инерция заговора, нежели реальный топоним.

Что касается гипотетического третьего значения *Черного моря* — его понимания как самостоятельного ИС, которое отвечает своему топонимическому прототипу, — то найти случаи, которые однозначно бы на него указывали, крайне трудно. Хотя реальное *Черное море* знакомо фольклору Русского Севера, ср. в онежской былине: «И спустила, государыня родна матушка, / Меня в Черное бы море, во Турецкое...» [Гильфердинг, 2, № 149].

Горное море

Одна фиксация в рукописной Сисиниевой молитве от 12 жен-трясавиц. *Горное море* обозначает место, вблизи которого разворачивается действие: «Сидящу убо ему Отцу на Синайстей горе, и бысть дня час, и зряще убо ему Святому на *черное море* внезапно с небесе стоят столы огненные, стоят от земли до неба и пред ним <...> Ангели Господни, у каждого в руце огненное железное оружие, пламенное копьё и изшед Ангел Господень, и став близ *Горнаго моря*...» (1-я треть XVIII в.) [РО ИРЛИ, р. V, колл. 192, с. 249, № 16]. Географический и топонимический прототип неясен. С осторожностью можно предположить (учитывая, что в начале молитвы море названо *Черным*, а немного дальше

Горным), что последнее ИС — это неправильно прочитанный в рукописи топоним *Черное море*.

Белое море

Более десяти фиксаций. *Белое море*, на первый взгляд, на Русском Севере безусловно соотносимое с реальным Белым морем (подобно тому, как *Ледовитый океан* явно коррелирует с реальным географическим объектом), тем не менее демонстрирует двойственность статуса.

Ср., например, заговор «На синем белом море бел камен(ь). Взлетил черной ворон, сядет на бел камен(ь). Как от сего бела камени отрастел заростет <...> тож бы побежала кров(ь) от сей раны железно(й)...» (2-я четверть XVII в.) [РЗРИ, 98, № 15]. Соединение в начале текста двух цветowych прилагательных — *синее* и *белое*, — кажется, дает основание предполагать в первом эпитете, а во втором — имя собственное. С другой стороны, *белый* дублируется в словосочетании *бел(ый) камень*, которое повторяется в тексте трижды, т. е. до некоторой степени является сквозным цветowym определением, что снижает возможность видеть в *белом море* ИС.

В целом же относительно большое количество фиксаций *Белого моря* в заговорах региона, локализованного в непосредственной близости от реального Белого моря, нетипичность цветowego эпитета *белый* для характеристики моря как в языке, так и в фольклорных контекстах (море преимущественно *синее*), а также, наконец, совершенно единичные фиксаций *белого моря* в заговорной традиции за пределами Русского Севера, — все это заставляет предположить, что среди выявленных в заговорах Русского Севера словосочетаний *Белое море* преобладают ИС.

Кем море

Одна фиксация. *Кем* выступает в качестве сквозной топонимической основы в заговоре от кожных болезней, см. фрагмент: «Под восточной стороной Кем морё, в Кемии мори Кем остроф, в Кем острову Кем каминь, на Кем каменю дев муш сидит...» (Олон.) [Мансикка, 1926, № 128]. ИС имеет прототип: *Кемь* — это река на севере Карелии, впадающая в Белое море, а также город в ее устье.

Следует отметить, что данная топооснова представлена в топонимии Русского Севера не единожды, ср. речные гидронимы: *Кема* — правый приток Унжи (Бабуш., Ник.), *Кема* — впадает в Белое озеро (Бел.), *Кемица* — правый приток Согожи (Шексн.). О происхождении названий есть как минимум четыре версии, при этом наиболее популярна, кажется, гипотеза, связывающая топонимы с фин. *keti* ‘большая река’, *kuni* ‘течение’, удм. *кам* ‘река, течение’ (обзор версий см. [Макарова, 2012, 399]).

Таким образом, в цепочке заговорных топонимов первичным было, вероятно, наименование гидрообъекта — моря (унаследовавшего имя от питающей его реки), которое затем было перенесено на остров и камень.

Арапское море

Отмечены три варианта заговора, где фигурирует этот топоним (Олон., Костр.) [Рыбников, 4, 263; Мардарьев, 1914, 13–15; Виноградов, 1, 54]. Текст является молитвой, направленной на охрану скотины, где крепость этой «обороны» сопоставляется с крепостью нескольких камней (в частности, *Арап камня*) в нескольких морях.

По мнению А. В. Юдина [1997, 178], *Арапское море* — народно-этимологическое переосмысление ИС *Арианское море*, которое фигурирует в другом варианте этого же заговора (рукопись из Новгорода). Последнее, по версии Ц. Бодуэн де Куртенэ-Фасмер, в свою очередь, является переделкой слова *Виренское* (*Виронское*); *Виренским берегом* называлась часть Эстляндии [Там же].

В распоряжении А. В. Юдина была одна фиксация как *Арапского моря*, так и *Арианского*. Сейчас количество фиксаций формы *Арапское море* возросло втрое. Это наводит на мысль, что первичным может быть *Арапское море*, а не *Арианское*. Кроме того, версия о появлении формы *Арианское* из *Виренское* кажется несколько изощренной, как и сама форма *Арианское* в сравнении с формой *Арапское*.

Более вероятным видится другой путь возникновения этого топонима. Выше уже приводился фрагмент следующего заговора: «аки синей камень в Синем море, аки черной камень в Черном море, аки араг камень в Варяжском море, аки хвальный камень в Хвалынском море, аки акиян-камень в акиян море ни крошитца, ни ломитца, ни рознится...» (Холм.) [Ефименко, 1878, 171]. *Арапское море* появляется в тексте, вариантном по отношению к вышеприведенному: «как белый камень в Белом море, как черный камень в Черном море, как арап камень в Арапском море, как Хвалын камень в Хвалынском море и как окиан камень в Окиане море и как окиан-камень не крошится...» [Мардарьев, 1914, № 21]. Здесь представлены номинативные пары «камень — море», при этом во всех случаях названия камней вторичны по отношению к обозначениям морей. Списки географических объектов в заговорах почти целиком совпадают (в том числе в последовательности перечисления), отличий всего два: *синий камень* — *Синее море* / *белый камень* — *Белое море* и *араг камень* — *Варяжское море* / *арап камень* — *Арапское море*. Можно предположить, что первый из указанных текстов является и исторически первичным по отношению ко второму, и говорить о следующей цепочке трансформаций: *Варяжское море* → **варяг камень* → *араг камень* → *арап камень* (описка или результат деэтимологизации) → *Арапское море*. Замена *варяг* → *арап* имеет и смысловую поддержку: оба слова являются этнонимами и используются в расширительном значении (ср. выше арх. *варяжá* ‘заморец, иноземец’, а также рус. устар. *арап* ‘чернокожий, чернотелый человек жарких стран, особенно Африки; мурин, негр’ [Даль, 1, 21]), что говорит о наличии у них общей коннотации «чужеземности».

Гипотетически можно указать также на *Индо-Арабское море* — одно из исторических названий Аравийского моря. Однако это название, упоминаемое,

в частности, в энциклопедии Брокгауза и Ефрона, явно служит переводом англ. *Arabian Sea* (или иного иностранного источника). В русской традиции, судя по данным словарей, такая номинация не использовалась.

Мугай-море

Одна фиксация. *Мугай* выступает в качестве сквозного фольклорного топонима в заговоре от притки (сглаза): «Есть славное Мугай-море, на Мугай-море есть Мугай-остров, в Мугай-острове сидит Мугай-птица <...> отключивает носом <...> притчи и призеры и уроки <...> и полетает та Мугай-птица через огненную реку — и сгорят у раба божия (имрек) тыи притчи, призоры и уроки» [Рыбников, 4, 261, № 23]; близкий вариант точно такого же заговора из Новгородской обл. дает форму *могу-море* (а также *могу-остров*, *могу-камень*, *могу-птица*) [ФНО, 297].

Поскольку топонимический прототип не обнаруживается, остается предположить, что топонимы *Мугай-море* и *Мугай-остров* являются производными от ИС *Мугай-птица*. На эту мысль наводит тот факт, что именно птица *Мугай* выступает как главное действующее лицо заговора, и именно ее имя повторяется в тексте дважды: в начале и в конце. Упоминание этой птицы встречается в разных жанрах русского фольклора и книжности, ср. *Нагай* [Соколовы, 1, 464–465], *нагой* [ГК, 213], *ногой*, *нагович*, *нагов*, *нагута*, *ног* [Белова, 2000, 183] и др. Кажется, прообразом послужила птица гриф [Там же, 92, 93]. Появление имени птицы в заговоре ожидаемо: «(А) нагой-птица — всем птицам мати, А живет она н(а) акиане-море, А вьет гнездо на белом камене» [СКД, 213]. Что касается формальной стороны, то мена носовых *м//н* типична, равно как чередование лабиальных гласных *о//у* в безударной позиции; финаль в ИС *Мугай* совпадает с финалью в варианте *Нагай*. Таким образом, перед нами ретроспективное «уподобление»: от *Мугай-птицы* (третья позиция в списке ИС в тексте) через *Мугай-остров* (вторая позиция) к *Мугай-морю* (первая позиция); порядок следования называемых объектов определяется мотивом сакрального центра.

Отап море

Одна фиксация в составе мотива прятания ключей под камень в море: «...запирай эти трой райские двери <...> и бросай и кидай эти ключи и замки среди белого отапа моря, под белой Латарь камень и под пуп морской» (Ник.) [РК 5/3, 370]. Значение неясно. Возможно, искаженное *Окиан море*: при переписывании на месте *н* могло появиться *п*, а на месте *ки* — *т*.

Реки

Речные образы и имена играют в заговорах Русского Севера парадоксальную роль. С одной стороны, река не вписывается в круг основных локусов, которые

создают сакральную топографию заговоров (скажем, она не участвует в реализации мотива сакрального центра). С другой стороны, реки занимают особое место в том образе пространства, который значим для исполнителя заговоров на территории Русского Севера. Это определяется несколькими причинами. Первая из них — «бытийная». Река — важнейшая для поддержания человеческой жизни географическая реалья, особенно на Русском Севере, изобилующем крупными, средними и малыми реками. Как финно-угорское аборигенное население, так и славянские пришельцы обживали главным образом именно берега рек; реки были источником пропитания, основой хозяйства, транспортными артериями (зачастую единственными) и пр. Вторая причина — номинативная. Речные гидронимы — древнейшая и наиболее разработанная в плане моделей номинации часть топонимической системы Русского Севера. Более того, для этой системы река выступает как организатор пространственных связей [см. об этом: Березович, 2009, 196–197], задавая систему ориентации в пространстве. Третья причина — «символическая». Река — динамичный элемент ландшафта, имеющий вместе с тем человеческий «масштаб» (море, разумеется, тоже динамично, но для основной части населения Русского Севера оно не освоено так, как река). Река «бежит», «говорит» и т. п., потому ее образ легко находит себе место в системе выразительных средств текста. Четвертая причина — «акциональная». Именно реки являются местом действия для множества обрядов пускания по воде, цель которых нередко совпадает с целью заговорного текста (или же такой обряд становится невербальным сопровождением заговора). По названным причинам реки включаются в заговорное пространство, создавая тем самым специфическую для вербальной магии Русского Севера черту⁵. Для справки укажем, что если в белорусских заговорах ИС рек все-таки присутствуют, то на Украине и в южнорусских областях их фиксации практически единичны.

В заговорах Русского Севера фигурирует около 30 речных гидронимов (не считая вариантов одного названия). Эти названия будут поданы в рамках двух групп: 1) топонимы, имеющие прецедент в реальной (внетекстовой) системе географических названий; 2) фольклорные топонимы.

Прецедентные речные гидронимы

Библейские топонимы

Библейские прецеденты представлены только одним, но базовым для сакральной топонимии случаем.

⁵ Рассуждения об особой роли рек в культурном ландшафте Русского Севера представлены и в других исследованиях [см., например: Иванова, 2015].

Иордан

В а р и а н т ы: *Ердан* (Тот.) [Виноградов, 1, № 19], *Иордан* (Пудож.) [Курец, 2000, № 340], *Иордан-река* (Ник.) [РК 5/3, 372], *Иердань-река*, *Иордань-река* (XVII в.) [РЗРИ, № 85].

Топоним встретился в восьми текстах, имеющих внутри Русского Севера широкую и разбросанную географию. *Иордану* сопутствует редкий для заговорных рек эпитет *святой* (*святая река Иордан*, *святая вода Иордана*), что естественно, поскольку эта река связывается в первую очередь с событиями Священной истории.

Логика исполнителей заговора, локализирующих *Иордан* в пространстве, двойственна. С одной стороны, *Иордан* течет *из рая*, находится *в восточной стороне*. С другой стороны, *Иордан*, как и многие другие заговорные реки, помещается в типичное русское фольклорное пространство — в *чистое поле*: «пойду <...> в чистое поле к Ердани реки, ко святой воды...» [Воскресенский, 1905, 46]. В одном ряду с *Иорданом* упоминаются другие сакральные объекты — *святые горы Крапа* и *Вертеп* (располагаются над рекой) [Курец, 2000, № 340], *святая Фаворская гора*, города *Иерусалим* и *Вифлеем* [Виноградов, 1, № 19], *Божья Апостольская церковь* [Курец, 2000, № 399]. Кроме того, иногда *Иордан* локализуется у *Океан моря*, а в нем располагается *бел (Латырь) камень*.

Персонажный ряд тоже отражает сакральный статус реки. В связи с *Иорданом* упоминаются *Христос*, *Богородица*, *девица Соломонида*. Христос был крещен в Иордане; в одном из текстов Крещение названо *венчанием*: «когда Иоанн Предтеча Иисуса Христа венчал в реке Иордан и никто его не видал...» [РК 5/3, 371]. Богородица ночевала над водами *Иордана* и мыла в нем пелену, вытканную ею для Иисуса: «...сидит пречистая Богородица, Христа царя мати, прядет шелков Хр...ту на пелену, и, отпрявши, смотала и выткала, и мыла во Иордане, реке...» [Виноградов, 1, № 19]. На *Иордане* девица Соломонида шьет (символически зашивая рану) шелковой ниткой [Зимин, 1920, 79].

Все заговоры с упоминанием *Иордана* носят защитный и «оптативный» характер (лечебные, защита скота, «на красоту»), что тоже определяется сакральностью реки. На фоне восточнославянской традиции заметно, что на Русском Севере отсутствует упоминание *Иордана* в заговорах от кровотечения (мотив «Стань, кровь, в ране, как вода / Христос в *Иордане*»), получившее широкое распространение на Украине, в Белоруссии и отчасти в южнорусских областях, но неизвестное в центре и на севере России [Агапкина, 2010, 339–344].

Иордан — самый распространенный библейский гидроним в магическом фольклоре славян [подробно об этом см.: Юдин, 2004]; согласно «Стиху о Голубиной книге», это *всем рекам мать* [Мочульский, 1887, 131].

Функционирование *Иордана* в заговорных текстах поддерживается лексической системой: соответствующий апеллатив отмечен в общенародном языке, ср. *иордань* ‘особо приспособленное для церковного обряда освящения воды место

на реке, озере или пруде' [ССРЛЯ, 5, 421]. В говорах Русского Севера также фиксируется это значение (в различных фонетических вариантах) и прослеживается дальнейшее семантическое развитие, при котором происходит характерная «десакрализация» слова: влг. *ѣрдан* 'ключ, родник', *ердан*, *ѣрдан*, *ердань* арх., влг. 'прорубь, в которой освящают воду в день крещения', арх., влг. 'прорубь', арх., влг. 'большая прорубь для рыбной ловли', арх., влг. 'яма с водой на поле или в лесу, окно воды на болоте, зарастающем водоеме', *ердан*, *ѣрдан* арх., влг. 'глубокое место, яма в реке, ручье', влг. 'болотная трясина, зыбун' и др. [СГРС, 3, 323–324], арх., влг. *иордан* 'прорубь для освящения воды, иордань', арх. *иордань*, арх., влг. *иордан* 'большая прорубь для рыбной ловли, стирки белья и т. д.', *иордан* арх., влг. 'яма в реке, болоте', арх. 'мелкое место на реке, ручье' [Там же, 4, 337–338]. При такой активности географического термина он ожидаемо становится топоосновой, продуцирующей появление сравнительно большого количества *Иорданов* в топонимии, особенно в гидронимии: на Русском Севере насчитывается почти 40 соответствующих названий [см.: Березович, 2010, 88–89].

Славянские и общерусские прецеденты

В этой группе три прецедентных топонима: *Дунай*, *Днепр* и *Волга* (с притоком — рекой *Которосль*).

Дунай

В а р и а н т: *Дунай-река* (Карг.) [РЗЗ, № 859]. Гидроним встретился в четырех текстах, все они записаны в Архангельской губ. Интересно, что, по данным А. В. Юдина, архангельские факты составляют 80 % всех упоминаний *Дуная* в русских заговорах [Юдин, 2004, 58].

Э п и т е т: *широкий*.

Локализуется в типичном фольклорном пространстве: река течет в *чистом поле*, за ней стоит лес: «Вода-водица, сама царица, сойми тоску-кручинушку с рабы Божьей (имя). Разнеси по чистому полю, по широкому Дунаю. Там жить баско, там хорошо, не воротись назад...» (В-Т) [РЗЗ, № 2246]. *Дунай*, в отличие от *Иордана*, фигурирует не только в защитных заговорах, но и во вредоносных (отсушках). Отсюда особые персонажи — черт и чертовка, сидящие в лодке у реки, или черт и леший.

Дунай — один из наиболее распространенных речных гидронимов русского (славянского) фольклора, в том числе магического, подробное исследование (на материале восточнославянских данных) и литература вопроса представлены в [Юдин, 2004; Мачинский, 1981]. Как указано в [Юдин, 2004, 57], *Дунай* — своего рода «мифологический прообраз реки (сакрализованной, но не связанной с библейской историей) или моря, вообще водного пространства».

Если говорить о контексте реальной топонимии Русского Севера, то «дунайский прецедент» в ней проявлен. В Архангельской, Вологодской и Костромской

областях насчитывается около 25 соответствующих вторичных топонимов, среди которых, как и ожидается, преобладают названия рек и ручьев, ср. р. *Дунáй* (Гряз., Ник., Пин., Пыщ., Тарн., Устюж., Хар.), р. *Дунáйка* (Влгд.) и др. Однако есть также названия полей и лугов (Вин., Мез., Нянд., Он.), что заставляет думать об отражении в топонимии апеллиатива *дунáй* влг. 'открытое возвышенное место' — «На дунае-то ветры гулеют», арх. 'ровное, красивое, радующее глаз место' [СГРС, 3, 285], в котором, по всей видимости, осуществляется аттракция к *дуть*, *дунуть* (о возможности такой аттракции на примерах других русских диалектных лексем см. [Варбот, 2012, 186–188]). Положительные эмоции, отразившиеся в значении 'ровное, красивое, радующее глаз место', перекликаются с коннотациями *Дуная* в приведенном выше архангельском примере (см. выше: «там жить баско, там хорошо...»); подобные смыслы вообще характерны для фольклорного *Дуная*, ср., к примеру, сакрально-положительные коннотации *здуная* в святочных величаниях [Мачинский, 1981, 144].

Волга

В а р и а н т: *Волга река* (XVII в.) [РЗРИ, № 10].

«Главная русская река» присутствует по крайней мере в трех текстах, записанных в Карелии и Вологодской губ. [РЗРИ, № 10; Курец, 2000, № 248; Иваницкий, 1890, 140]. Отмечены эпитеты *широка и долга* («У синего моря бежит река Волга: широка и долга...») (Медв.) [Курец, 2000, № 248].

На *Волге* есть *муж ведун* (заговаривающий *уразы*), а по Волге едет *Пресвятая Богородица* (в заговоре от крови).

Волга не упоминается во вредоносных заговорах (например, отсушках).

Волга фигурирует во множестве жанров русского фольклора (обзор и литература вопроса см. в [Строганов, 2017]), хотя для заговоров этот гидроним считается нехарактерным [Там же, 316]. Что касается реальной топонимии Русского Севера, то названия типа *Волга* в ней есть, однако вопрос об их происхождении решается не просто [см.: Кривошапова, 2018].

Которосль

Одна фиксация. Этот правый приток Волги упоминается в одном ряду с ней в охотничьем заговоре: «Теките и бегите <тетерева и куропатки>, как течет река Волга и река Которосль...» (Кадн.) [Иваницкий, 1890, 140]. Существенным признаком реки становится ее динамичность.

*Днепр

В а р и а н т ы: *Непрь*, *Напр*.

Гидроним встретился в одном тексте.

Э п и т е т: *славный*.

Течет *в чистом поле*. Река изображается покрытой осенним льдом: «Как из той реки Напра выносит яррой осенней лед...» (Костр.) [Виноградов, 2,

№ 29]. Таяние льда на реке уподобляется исчезновению тоски-сухоты у человека.

Днепр (с большим количеством вариантов — вплоть до *Леленр*) хорошо известен русскому фольклору [см.: Гин, 1992]. Вероятно, этот прецедент попал в русскую традицию позднее, чем *Дунай*; в реальной топонимии Русского Севера он не отражен.

Прецедентные гидронимы Русского Севера

В этом разделе будут представлены гидронимы, обозначающие наиболее крупные и известные реки (их шесть — *Онега*, *Мезень*, *Двина*, *Нева*, *Вага*, *Сухона*), а затем гидронимы, называющие реки «местного значения». И те и другие фигурируют в большинстве случаев в заговорах и оберегах, где речь идет о снятии тоски, сглаза или уничтожении болезней. Прецедентные гидронимы появляются в составе двух мотивов: согласно одному, некое негативное состояние или болезнь должны быть «смыты» с человека, подобно тому как смывает все на своем пути речная вода; согласно второму, негативное состояние не должно мешать человеку, подобно тому как ничто не мешает течению реки. Кроме того, прецедентные гидронимы встречаются в охотничьих (рыболовецких) заговорах. Это соответствует наблюдениям Р. А. Агеевой, которая указывает, что четко локализуемые топонимы в восточнославянском магическом фольклоре характерны в первую очередь для заговоров охотников, рыболовов и заговоров, произносимых с целью избавления от болезней: «Это и понятно, так как помощи ждут от вполне конкретного леса или реки» [Агеева, 1982, 136]. Возникают эти топонимы и в отсушках.

Прецедентные гидронимы встречаются в заговорах из других восточнославянских регионов, ср., например, длинный гидронимический ряд в белорусском тексте от уроков: «Водзица царица <...> Ишла ты з моря у Чарноедку <местная речка>, с Чарноедки у Чарнолутку, а с Чарнолутки у Беседзь, а з Беседзи у Сож, а Сожа на Непро, з Непра на моря, з моря ў Суломорья, а с Суломорья у Ирдань ряку...» [Романов, 1891, 149, № 40].

Названия крупных рек

Онега

Гидроним встречается в трех заговорах от болезней и сглаза (Он., Карг.) [РЗЗ, № 359, 1535; Знатки, 418], зафиксированных в непосредственной близости от бассейна самой реки.

Э п и т е т: *матушка*.

Река течет на *пути-дороге широкой*, вытекает из *рек, болот и озер*. Ее течение описывается в духе традиционных фольклорных клише, но это описание соответствует местным реалиям: «Река Онега, ты бежишь по течению, моешь, смываешь

черное коренье, серое камень, крутые бережочки, желты мелкие песочки...» [РЗЗ, № 359]. В связи с *Онегой* упоминаются такие персонажи, как Богородица и бабушка Соломона, которые *моют Иисуса Христа* и *загрызают грыжу*.

Мезень

Гидроним отмечен в трех текстах на снятие тоски, записанных в Мезенском р-не Архангельской обл. [Петрова, 2007, 190, 197–198; РЗЗ, № 2225].

Эпители: *матушка, быстрая* (*Матушка Мезень, быстрая река* [РЗЗ, № 2225]), *кормилица*.

Река течет *со семидесяти гор, с семидесяти ручьей*, впадает в *синее море*. Во всех контекстах упоминается огромное количество притоков Мезени, что соответствует ландшафтным реалиям: «Тецёшь ты со ручьями со потоцными, со мелеима рецками...» [Петрова, 2007, 197–198].

Вага

Отмечена в двух сюжетно близких текстах на снятие тоски, зафиксированных в бассейне Ваги — в Верховажском р-не Вологодской обл., ср.: «Как эта Вага бежит день и ночь, не плачет да не тужит, не горюет ни об пенье, ни об сером камень, назад не ворачивается, так бы не плакала и не тосковала лошадка о своем доме...» [РЗЗ, № 985].

Сухона река

Одна фиксация в тексте на снятие тоски из Великоустюгского р-на Вологодской обл., где протекает Сухона: «Сухона река бежит, ни о чем не горюет, ни о ком не тоскует, ни о крутых бережках, ни о серых камешках, ни о желтых песках...» [МЭМ].

Нева

Одна фиксация в тексте, записанном в Няндомском р-не Архангельской обл. [Знатки, 432]. Река течет *в чистом поле*. В связи с ней упоминается Богородица, снимающая переполох.

Двина

Одна фиксация. Явно имеется в виду Северная Двина, поскольку текст записан в Шенкурском у. Архангельской губ.

Эпители: *матушка, быстрая*. В тексте, заговаривающем рыбу при ее ловле, упоминаются безымянные притоки Двины и прибрежные озера: «ангелы <...> возбудите <...> рыбу <...> и гоните их, чтоб она шла бы к нам, рыболовам <...> в матушку реку быструю Двину, и в разные реки и озера...» [Харитонов, 1848, 17].

Названия местных рек

О том, что названия местных рек могут фигурировать в заговорах, пишет один из публикаторов и собирателей, Вс. Постников, формулирующий некое «общее правило», которое определяет появление гидронима в тексте: «Стану благословясь, пойду перекрестясь, под восточну сторону; под восточной стороной текет река (название ближайшей реки. — *Прим. публ.*), прошла эвта река лесами, горами пеньем, кореньем — ничего не задела <...> Как река (название реки. — *Прим. публ.*) прошла, не задела <...> так бы у больной рабы (имя) шел князь со княгиней своей дорогой, не задевал бы он суставов и жил» (Арх.) [Постников, 1909, 30]. Нечто похожее можно иногда встретить и в белорусской традиции, когда публикатор оставляет в записи заговора место для названия местной реки: «Здрастуй, водзица царыца, красная дзвяица, река (такая-то)» (Могилевская губ., Мстиславский у.) [Романов, 1891, 145, № 27].

В этом разделе будет представлено девять названий. Для семи из них прототипы в реальной топонимии Русского Севера могут быть установлены однозначно или с большой степенью вероятности.

Сначала хочется прокомментировать название, которое выбивается из ряда, поскольку имеет, по всей видимости, коннотацию сакральности.

Сия-река

Одна фиксация в тексте из Шенкурского у. Архангельской губ. У топонима есть как минимум два прототипа: одна река Сия является левым притоком Северной Двины (Холм.), другая — левым притоком Пинеги (Пин.). Обе реки достаточно крупны и заметны. Топографически к месту записи гидронима ближе холмогорская *Сия*.

Однако объяснять фольклорное имя только из местной топонимии, наверное, недостаточно, если учесть характер контекста (кстати, фоносимволического, избыливающего свистящими): «По Сия-реке анделы Господни на Страшном Суде вострубят в трубы золотые...» [Мансикка, 1912, 134]. Возможно, здесь изначально фигурировал библейский топоним, являющийся трансформацией слова *Сион* (ср. реку *Сиянь* в смоленском заговоре [Юдин, 1997, 186], для которой связь с *Сионом* наиболее вероятна; *Сион* с многочисленными реинтерпретациями к *сиять* вообще активен как заговорный топоним [Там же, 189–190]). Но мы все же причислили *Сию-реку* к местным топонимам (вопреки А. В. Юдину, связывающему ее с *Сионом* [Там же, 186]), поскольку у названия есть четкий прецедент, имеющий к тому же сакральность «местного масштаба»: на холмогорской Сие находился влиятельный и известный Антониево-Сийский монастырь, при этом в узуальной топонимии, записанной в этой зоне, есть целый комплекс «сакральных» названий (*Святоозеро*, *Крест-Бор*, *Преподобное* и др. [см. об этом: Березович, 2010, 41–42]).

Есть еще одно название местной реки, в текстовой семантике которого, вероятно, есть мифопоэтическая составляющая.

Ледь

Это реальная река, левый приток Ваги (Плес., Шенк.). Упоминается в двух текстах, записанных там же — в Шенкурском у.; ср.: «Пойду на Ледь-реку, по той реке плышет кокура, на той кокуре сидит два чертенка, бьютсе, дерутсе <...> так бы она драласе со мной...» [Мансикка, 1912, 132].

Э п и т е т: *матушка (матушка Ледь-река)*.

Возможно, выбор топонима в текстах имеет дополнительное обоснование: заговор, где встречается *Ледь*, имеет цель «любовь отворотить», поэтому ассоциации со стужей, льдом (*лед* ↔ *Ледь*) неслучайны.

В остальных заговорах названия местных рек не имеют, кажется, «двойного дна».

Шорега

Это левый приток Двиницы (впадающей слева в Сухону) (Сок.). Встречается в одном тексте [РК 5/2, 544], записанном в Кадниковском у. Вологодской губ., в непосредственной близости от бассейна Шореги.

Э п и т е т: *мать-река (на мать-реку на Шорегу)*.

На берегах реки растет *шелковая трава*: эта деталь выводит на целеполагание заговора, направленного на отыскание цветущей травы скатерника.

Пежма река

Одна фиксация в тексте на удачную охоту из Архангельской губ.: «Как матушка Пежма река утекает и убегает в океан-синее море, взад не ворочается, так бы и ко мне рабу божию (имерек) и к моим ловушкам и поставушкам...» [Ефименко, 1878, 186]. Прототипами этого имени могут быть как минимум три реальных топонима: *Пежма* — левый приток Ваги (В-Важ., Вел.); левый приток Северной Двины (Холм.); левый приток Лекшмы (Карг.). Думается, предположение о связи заговорной *Пежмы* с одним из этих топонимов более реально, чем версия о том, что это название связано с *Пижмой* в бассейне Печоры [Юдин, 1997, 208].

Э п и т е т: *матушка*.

Течет *быстрыми струями в океан-синее море*.

Шорда река

Одна фиксация в тексте на рыбную ловлю, записанном в Шенкурском у. Архангельской губ. Реальная река Шорда в бассейне Мехреньги (Плес.) протекает в непосредственной близости от места записи заговора.

Э п и т е т: *матушка*: «Как ты, матушка Шорда река, течешь быстро и яро, берега смываешь, травы омываешь, кореньище сдираешь...» [Харитонов, 1847, № 7; Майков, 1869, № 314; Ефименко, 1878, 179].

Юза

Одна фиксация в присушке: «Как матушка Юза по течению идет в своих берегах, так муж и жена не могут жить дружка без дружки...» [РК 5/3, 375]. Прототип — река Юза, правый приток Унжи (Бабуш.), протекающая в зоне, в которой записан текст (Никольский у. Вологодской губ.).

Э п и т е т: *матушка*.

Курья

Одна фиксация в тексте на снятие тоски из Сольвычегодского у. Вологодской губ.: «Как река Курья не тужит, ни о бережках, ни о желтых песках...» [РК 5/3, 439]. Точную географическую привязку прототипа дать сложно: объектов с именем *Курья* на Русском Севере (в том числе в бассейне Вычегды) множество, поскольку в основе лежит географический термин *курья* (*курья*), имеющий целый ряд гидрографических значений: арх., влг. ‘речной или озерный залив, заводь (нередко узкой, вытянутой формы)’, ‘глубокое место, яма на дне реки, озера, болота; яма, заполненная водой’, ‘водоворот в реке’ и др. [СГРС, 6, 307–310]. При этом в непосредственной близости от места записи заговора (Котл.) для слов *курья* (*курья*) отмечено значение ‘протока’ [Там же, 308–310], которое наиболее вероятно как основа для названия целой реки (а не залива или омуты). Возможно, речь в заговоре идет о реке Курья, левом притоке Северной Двины, или протоке Курья, впадающей справа в Вычегду (Котл.).

В двух случаях, о которых речь ниже, факт отражения в заговорном названии местного топонима высоко вероятен, но точный прототип не обнаружен.

Тюрьдина река

Одна фиксация: «В цистом поли тикё Тюрьдина рика, и по той Тюрьдины рики плывё супротив воды щука жылезна, и жрё, пожырат всекии вещи...» (Пудож.) [Мансика, 1926, № 65]. В Пудожском р-не (а также в других районах Карелии, по данным топонимической картотеки ИЯЛИ Карельского НЦ РАН, созвучных названий нет. Сходные основы, однако же не гидронимические и с иным суффиксальным оформлением, фиксируются [ТЭ] в Архангельской обл.: поляна *Тюрдиева* (*Тюрдиево*) (Нянд.), поле *Турдеево* (Шенк.), пок. *Турдеевские* (Прим.); есть единичный факт и в Костромской области: лог *Турдиевский Овраг* (Чухл.). Можно предполагать, что в процитированном заговоре отражен не записанный пока исследователями (либо на территории Русского Севера, либо за ее пределами) местный топоним.

Рыжикова

Одна фиксация: «Возьму я эти уроки, прикосы, щипоты, ломоты, понесу по святой Рыжикове. В этой во святой Рыжикове есть белолатной камень...» (Леш.) [РЗЗ, № 2164].

Объект не обозначен как река, но предложное управление заставляет предполагать, что *Рыжикова* — речной гидроним (немаловажно и упоминание *белолатного камня в Рыжикове*). В материалах [ТЭ] отмечено поле *Рыжиково*, находящееся в непосредственной близости от места записи заговора. Не исключено, что в реальности существует (или существовал) и метонимически связанный с названием поля гидроним, не зафиксированный собирателями. Однако в заговоре может быть отражен и местный топоним, созданный на другой территории. Отметим повторяющуюся пару «река — камень»: типичным локусом камня в заговорах являются море, гора, остров; река редко подверстывается в этот ряд, поскольку не связана напрямую, как уже говорилось, с мотивом мифологического центра. Появление в реке камня воспринимается как некоторая сакрализация, ср. эпитет *святая*.

Фольклорные речные гидронимы

Общеклассические гидронимы

*Смородина

В а р и а н т ы: *Черна-Смородина* (Пудож) [Кофырин, 1900/114, 2], *Смородяная река* [Виноградов, 2, № 73].

Три фиксации в заговорах, записанных в Олонецкой и Костромской губерниях. В основе всех текстов сходные сюжеты: по реке *Смородине* плывет лодка с мертвецом / человеком с чертовой рожей; заговоры направлены на остановку крови или любовный отворот. *Смородина* течет в чистом поле, подзакатной стороной. Ее особый статус подчеркивается тем, что среди множества безымянных рек только она имеет имя: «В чистом поле течет тридцать три реки и две реки, и едина река Черна-Смородина...» [Кофырин, 1900/114, 2].

Смородина — известнейшая река, фигурирующая в разных жанрах русского фольклора. О ней много написано [см. особенно: Доровских, 1977, 42; Кондратьева, 1967, 212–213; Путилов, 1956, 232–233; Юдин, 1997, 183–185, с обзором литературы]. Наиболее популярна точка зрения, согласно которой *Смородина* прочитывается как «смрадная, зловонная река» (от др.-рус. *смород* ‘запах’ [см.: Фасмер, 3, 691–692]). Эта трактовка аргументируется тем, что у *Смородины* происходят неизменно негативные события: «С образом Смородины в фольклоре связан целый комплекс представлений о реке, таящей в себе нечто трагическое, опасное, противостоящей человеку и готовой его погубить» [Путилов, 1956, 232]; кроме того, она выполняет ту же роль, что огненная (черная) река, отделяющая мир живых от мира мертвых; это серная река — а значит, зловонная [см. об этом: Юдин, 1997, 184]. С этой точкой зрения, кажется, стоит согласиться, посетовав, однако, на то, что у нас практически нет текстовых подтверждений «зловонности» Смородины; более того, былинные богатыри хотят иногда напиться из Смородины

свежей воды [Юдин, 1997, 184]. В реальной русской гидронимии на запах обычно указывают названия с иной огласовкой корня — *смерд* (ср. многочисленные *Смердячие* реки и ручьи; В. Л. Васильев включает гидроним *Смердомля* в число славянских топонимических древностей Новгородской земли [Васильев, 2012, 537]).

Единственный встретившийся нам внутритекстовый аргумент в пользу этой версии — контекстное соседство *Смородяной реки* и *смердячего челна*: «...по той ли Смородяной реке плывет смердячий челн, в смердячем челне сидит Немал-человек — чертова рожа, змеиная кожа, сычьи глаза, волчья пасть, медвежий взгляд, образ звериный, а вздох змеиный...» (Костр.) [Виноградов, 2, № 73]. Разумеется, это сближение может быть вторичным. Возможно, косвенным аргументом служит и тот факт, что в заговорах, сходных по сюжету с последним, на месте *Смородяной реки* может появиться *дегтяная* (это, вероятнее всего, не ИС, а эпитет): «...Под западной стороной течет дегтяная река, по той дегтяной реке плывет малое челно, в том малом челне сидит малый человек, у котораго чертова рожа, угревая кожа, шубны глаза, волчий рот, медвежий взгляд, звериный, вздох змеиный...» (Пудож.) [Кофырин, 1900/128, 2]. Деготь, отсылающий к смоле и огню (см. неоднократно встречающуюся в заговорах *огненную реку*), имеет неприятный запах.

Представленные выше размышления побуждают нас предположить, что фольклорный топоним *Смородина* имеет не только мотивацию, связанную с запахом. В нем актуализирован, возможно, также и признак речной растительности. *Смородина* как бы «камуфлируется» под местные флористические топонимы: река, берега которой поросли (черной) смородиной. Известно, что смородина произрастает именно по берегам рек, по окраинам болот и т. п. Флористическая версия поддерживается тем, что в русском фольклоре на реке *Смородине* нередко находится *калинов мост*, рядом с ней — *ракитов куст*; кроме того, для фольклорной гидронимии вполне органична безаффиксная флористическая модель, см. ниже гидронимы *Рагоза*, *Лозокорь* (ср. также в олонечкой песне: «Вдоль по Рябинке, вдоль да по Дунаю...» [Соболевский, 4, 485, № 619]); есть и аффиксально оформленные топонимы, образованные от названий деревьев, ср. в сказках: *Калиновка-река* (Пск.) [СЛПМ, № 2], *речка Рябинова* (Вят.) [ВСВГ, № 99] и т. п. Нет нужды говорить о том, что «древесные» гидронимы частотны и в узуальной топонимии, ср., к примеру, географические названия Русского Севера, отражающие обозначение смородины: р. *Сморóдин* (В-Т, Котл.), р. *Сморóдина* (К-Г), р. *Сморóдинка* (Бел., Галич.), руч. *Сморóдинный* (Бабуш., Котл., Лен., Уст.) и мн. др.

Возможно, именно наличие мотивационного «двойного дна» обуславливает популярность этого гидронима в фольклорных текстах.

Заговорные гидронимы

В этой группе представлены гидронимы, которые, кажется, встречаются только в заговорах. Эти названия характеризуют особенности речного ландшафта, а именно — речную растительность.

Рагоза

В а р и а н т ы: *Рогозьяная рецка* (Белом.) [Курец, 2000, № 69], *Рогозинная рецка* (Помор.) [Цейтлин, 1912, 14].

Гидронимы встречаются в трех текстах. Наличие субстантивно оформленного варианта (*Рагоза* (Арх., Ундозеро) [Мансикка, 1926, № 183]) позволяет говорить об ономастическом статусе этих имен. Река течет с западной стороны на восточную, протекает в чистом поле.

В двух текстах из трех упоминается таинственная *Осипов лодка*, плывущая по реке, при этом она появляется в идентичных контекстах: «...по этой рецьке плывет Осипов же лодка...» [Цейтлин, 1912, 14; Курец, 2000, № 69]. Такое наименование лодки нетипично для фольклорной традиции — и в лексике Русского Севера тоже подобных фактов не обнаружено. Остается предположить, что здесь имело место неправильное прочтение слова *осиновая* (превратившегося в *Осипов же*): осина — популярнейший материал для изготовления лодок-долбленок на Русском Севере, ср. арх., влг. *осиновка* ‘лодка-долбленка’ [КСГРС]. Все три текста являются отсушками. Достижению магической установки текста должно способствовать проплывание по реке (в лодке или вне ее) черта с чертовкой или *рожи цёртовой*: «по той рики Рагозы пловёт рожа цёртова, розмывает пенья, коренья, крутые берёга и жолтые песка. Теки, река Рагоза, плови, рожа цёртова, в такоё-то сёло, войди в таких-то рабоф и розбей и роскути...» [Мансикка, 1926, № 183]. Как говорилось выше, имя реки создает звуковые переключки по всему тексту (повторение слога *ро-/ра-*).

Название реки образовано от общенародного слова *рогоз* ‘водное травянистое растение семейства рогозовых с толстым, плотным черно-бурым початком на высоком стебле’. Оно отражает характер речной растительности. Названия такого плана не редки в топонимии Русского Севера: р. *Рогозінка* (Сус.), пок. *Рогозьяна* (Сок.), пок. *Рогозінная* (С-Двин.), пок. *Рогозина* (Вел.) и др. Рогоз растет обычно в заболоченных местах — и эта «болотность» сочетается с образами чертей и негативным целеполаганием текста.

Лозокорь

В а р и а н т ы: *Лозокор* (Заонеж.) [ОЧ, 327], *Лазакорь* (Олон.) [Георгиевский, 1890, 782–783], *Лазокор* (Олон.) [ОЧ, 323].

Отмечены четыре варианта одного и того же рукописного заговора, где фигурирует *Лозокорь*; приведем один из этих текстов, где меньше признаков «книжности»: «И есть на сем свете река Лозокорь и на той реке Лозокоре есть камень Литарь, у того камня стоит древо плотно и не гниюще, маслично, и около того древа вьется хмель накрепко: так бы тот раб Божий (имя рекъ) ко мне, рабу Божию (имя рекъ), привился крепко накрепко всем своим сердцем, и всею душою, и всею мыслию» (Олон.) [Покровский, 1873, № 36, 431]. Во всех текстах фигурирует пара *Лозокорь* (с вариантами) — *Литарь* (*Латырь*, *Алатырь*). Как уже

говорилось, в фольклорных текстах камень *Алатырь* редко помещается в реку; это один из немногих случаев.

Созвучные названия не найдены в реальной топонимии (за исключением названия реки *Лозорка* в бассейне Суды (Кад.), чей прецедентный статус для *Лозокоря* маловероятен). Вполне возможным с точки зрения звука и смысла выглядит сопоставление *Лозокоря* со словом *осоко́рь*: в общенародном языке это 'дерево из семейства ивовых с серой, с годами чернеющей корой, с мощной кроной и высоким стволом; то же, что черный тополь' [ССРЛЯ, 8, 1153]. Варианты этого наименования широко распространены в говорах. Если учесть, что черный тополь произрастает преимущественно на черноземных почвах и в России «забирается», как правило, не севернее Верхней Волги, то становится понятно, почему в севернорусских (и дочерних сибирских) говорах слово «смещается» на обозначения других видов деревьев: влг. *осоко́рь* 'ива, с которой хорошо дерется кора' [КСГРС], кемер. *осоко́рина* 'разновидность ивы' [СРНГ, 24, 42], том., свердл. *осоко́рь* 'кора ветлы, тополя' [Там же, 48] и др. Помимо видов деревьев, слово может обозначать разные «состояния» дерева и древесины: влг. *осоко́рина*, *осоко́рь* 'низкое, кривое, сучковатое дерево', влг. *осоко́рина* 'сухое дерево' [КСГРС], влг. *осоко́рь* 'корни вывороченного дерева' [СВГ, 6, 77], костр. *осоко́рь* 'переросшее старое дерево', 'обломок дерева' [ЛКТЭ]; ср. также костр. *осоко́рь* 'кора дерева (любого)' [СРНГ, 24, 43]. Показательны также контаминации слов *осоко́рь* и *осока*: ленингр., новг. *осока́рь*, *осоко́ль*, *осока́рина* 'многолетняя болотная трава с упругими длинными и узкими листьями' [СРГК, 4, 250], новг. *осоко́рь* 'вид болотной травы с упругими и узкими листьями' [НОС, 740]. В узуальной топонимии Русского Севера данная основа представлена очень убедительно, локализуясь на востоке Архангельской и Вологодской обл.: пок. *Осоко́ри* (К-Б), поле *Осоко́рная* (В-Т), бол. *Осоко́ря* (Котл.), оз., лог *Осоко́рник* (К-Б, Лен.), луг *Осоко́рья* (В-Уст.), руч. *Осоко́рёв* (Лен.) и др.

Если допустить причастность фольклорного *Лозокоря* к слову *осоко́рь* (в общенародном или диалектных значениях), то можно предположить и аттракцию к близкому по смыслу общенародному *лоза*, которое в литературном языке допускает связь как с ивой, так и с виноградом, а в севернорусских говорах по естественным причинам соотносится с ивой или березой (ср. также производные: арх. *лозина* 'ивовые прутья' [КСГРС], костр. *лозник* 'молодой березовый лес, идущий на банные веники' [СРНГ, 17, 112], *лозьё* новг. 'длинные гибкие ветви некоторых кустарников, преимущественно ивы', костр. 'ветви берез, из которых делают веники' [Там же] и др.). Появление в слове *Лозокорь* (*Лазакорь*) начального слога можно также считать следствием притяжения к обозначению камня *Латырь*.

Как *осоко́рь*, так и *лоза* вполне вписываются в речной ландшафт, поэтому наименование реки *Лозокорь* прочитывается как фольклорный гидроним, в котором отражены представления о прибрежной растительности.

Онимизированные эпитеты

Матка

Наименование фигурирует в трех текстах в таком написании: *матка-река* (Костр.) [Виноградов, 2, № 37], *река Матка* (Тот.) [Едемский, 1911, 136], *река-матка* (Кадн.) [Виноградов, 1, № 89]. В последнем случае составитель сборника указывает, что конструкция *река-матка* тождественна конструкции *река-матица* и должна фигурировать при наименовании местной реки: «Как ты, река-матица <...> смываешь и обмываешь свои крутые, красны бережка с вершины и до устья, а с устья сносишь во сине море, так ты, река-матка <...> смывай и обмывай мои ставушки, мои ловушки...»; на месте <...>, согласно примечанию собирателя, «нужно вставить название реки, в которой смывается нитка, ловушка или какая-либо снасть» [Там же]. Конечно, здесь слово *матка* (*матица*) не является именем собственным. Это типичная ласкательная характеристика реки при обращении к ней в заговорах⁶, см. выше многочисленные случаи употребления эпитета *матушка* при названиях различных рек.

Однако возможна онимизация слова *матка*. Она наиболее реальна в таком контексте: «Пойду не перекрестясь <...> не воротами в чистое поле, не в завор, тут есть бежит река Матка. По этой реке бежит черт водой, лешей горой...» [Едемский, 1911, 136]. Аргумент в пользу проприального статуса, конечно, не в том, что графически слово подано как ИС. Сама номинативная позиция слова в тексте свидетельствует о том, что оно «дрейфует» в сторону имени. Важно учесть и обстоятельство не текстового, а системно-языкового плана: на территории Русского Севера распространены топонимы с основой *матк-*, ср. р. *Мáтка* (Кон.), оз. *Мáткозеро* (Выт., Кон., Нянд., Он., Плес., Холм.), пок. *Мáтки* (Холм.), луг *Замáтка* (В-Т), пож. *Подмáтка* (Карг.), руч. *Мáтков* (Мез., Плес.), р. *Мáткова* (Он.) и мн. др. [см.: Матвеев, 2007, 51]. Это основа прибалтийско-финского происхождения, которая имеет значение 'путь, дорога, расстояние' [Там же, 52], маркируя древние (волоковые) пути. В Тотемском уезде (где записан текст Едемского) такие топонимы тоже встречались, ср., например, название р. *Мáткова* (правый приток Коленьги, бассейн р. Кулой) (Тот., В-Важ.). Вряд ли заговор непосредственно отражает какой-либо из реальных прибалтийско-финских топонимов, но наличие таких названий и их частотность служит, думается, импульсом, побудившим исполнителя заговора выбрать именно такую форму имени реки (а, допустим, не *матушка*).

Чернавка

Одна фиксация в тексте, записанном в Пыщугском р-не Костромской обл.: «В темном лесу есть речка Чернавка, у этой речки Чернавки сидит по одну сторону

⁶ Такое обращение встает в ряд с подобными, ср., например, заговорные конструкции *речка-девичка* (Карелия) [Курец, 2000, № 96], *река-девица* (Помор.) [Цейтлин, 1912, 14, № 1].

зверь, по другую деман...» [Пыщуганье, 119–120]. Это название, оформленное как ИС, отвечает содержанию текста: одним цветом «нарисованы» река и лес, где она течет; целеполагание заговора (отсушка) негативно; персонажный ряд тоже поддерживает «зловещую» тональность текста.

Гидронимов *Черна́ва* (*Черна́вка*) в реальной топонимии Русского Севера множество; это обычно обозначения лесных или болотных рек.

Этот гидроним включен в группу онимизированных эпитетов, поскольку в отсушках и заговорах от сглаза встречается *река черная*, причем сюжеты и образность этих текстов близки к тексту о *Чернавке*: «Течет река черная. По этой реки черной ездит черт с чертовкой, водяной с водяновкой...» (Белом.) [Курец, 2000, № 71]; кстати, здесь вероятно и притяжение *черный* ↔ *черт*.

Упомянем здесь еще одно название, чей статус как ИС весьма сомнителен.

Выстрая

Одна фиксация: «В цистом поли, в шыроком роздолы тикё рицька Выстрая, в этой рицьки Выстрой лежыт синёй камишок, на этом камишку сидит мать Присвятая Богородиця...» (Пудож.) [Мансикка, 1926, № 102]. Ясно, что это искаженный эпитет *быстрая*. Но на оси «имя нарицательное — собственное» слово *Выстрая* находится чуть ближе к проприальному полюсу, чем исходный эпитет, за счет двух обстоятельств: во-первых, инверсия в конструкции с географическим термином (*река Выстрая*, а не *быстрая река*), которая более характерна для ИС, чем для имен нарицательных; во-вторых, затемнение внутренней формы простого и естественного для заговорного употребления слова *быстрая*, способствующее восприятию слова как условного имени.

НЕЯСНЫЕ НАЗВАНИЯ

Терка

Одна фиксация: «Под восточной стороной бежит река Терка. По этой реке Терке бежит тоска тоскущая, сухота сухотущая...» (Пудож.) [Кофырин, 1900/127, 2]. В реальной топонимии Пудожского района (а также других районов) Карелии созвучные топонимы пока не обнаружены.

Для интерпретации названия важно учесть, что *Терка* встречается в присушке (сухота должна *распалить ретивое сердце* у объекта любви). Возможно, внутренняя форма топонима может быть осмыслена в связи с разрушительным (рвущим, дерущим, «трущим») воздействием тоски на человека, ср. здесь негативные значения слов из гнезда *тер-*: обск. *тёрку давать* 'наказывать', новг., смол. *тереть* 'принуждать, неволить кого-л.' [СРНГ, 44, 76] и др.

Нельзя сбрасывать со счетов и потенциальную возможность существования *Терки* в топонимии Русского Севера — или (хотя бы) поддержку для нее со стороны

сходных топонимов. Так, в Вологодской и Архангельской топонимии фиксируются р. *Тёра* — правый приток Мезени (Мез.), паств. *Тёрки* (Кад.), три порога с названием *Теруха* на р. Кимжа (Мез.); топоним *Теруха* явно образован от глагола *тереть*, вписываясь тем самым в четко выделяемую как в субстратной, так и в русской топонимии модель «место, где трет (рубят, разбивает)» [Кабинина, 2011, 187]. Поддержкой для заговорной *Терки* может быть и *Тёрский Берег* (Белого моря): это название юго-восточного берега Кольского полуострова от устья Варзуги до мыса Святой Нос. В письменных источниках зафиксирован *Терской Наволок* и другие варианты; слово, по всей видимости, имеет финно-угорское происхождение [см.: Минкин, 1976]. Наконец, название реки *Терки* можно соотнести с *Терской стороной*, упоминаемой в заговорах в связи с *Хвалынским морем*: «На синем море, на синем на Хвалынском, на волынском, в Терской стороне есть морские звери...» (г. Мезень) [Ефименко, 1878, 181] (см. раздел *Море, океан*). В этом случае *Терка*, возможно, дает аллюзию к гидрониму *Терек* — если учесть, что последний обнаруживает пространственную смежность с *Хвалынским* (= Каспийским) морем (хотя заговоры вовсе не стремятся воссоздать реальную топографию).

Яхонка

Одна фиксация: «Пойду к реке Яхонке. Через реку Яхонку лежит калиновый мост. Через этот мост идет сам Иисус Христос со ангелам и архангелом...» (Луж.) [Лиль-Адам, 1871, 319]. Гидронимы типа *Яхонка* (*Ехонка* и пр.) на Русском Севере, кажется, не зафиксированы; среди созвучных удалось найти только название р. *Я́хмонка* в бассейне Шачи (Сус.), но связь с ним не выглядит достоверной. Однако предположение о существовании гидронима *Яхонка* на Русском Севере или на другой территории России (пусть и не зафиксированного исследователями) небеспочвенно. Так, во «Владимирском областном словаре» есть *яхонка* ‘поляна в лесу’ — «Мы косим на яхонке» [ВОСП, 125]. Этот гапакс подан в словаре как нарицательное слово, но перед нами явно топоним. Кроме того, в Данковском у. Рязанской губ. был населенный пункт *Яхонка* [http://starye-karty.litera-gu.ru/uezd/ryaz_karta-dankovskiy_uezd.html]. Таким образом, в заговорной *Яхонке* мог отразиться реальный топонимический прецедент.

Наконец, можно высказать еще одно предположение. В русском песенном фольклоре встречается (хоть и довольно редко) слово *яхонка*: «Что не яхонка по горенке катилась, не жемчужинка за яхонкой гонилась...» (амур.) [СРНГ, 7, 6], «Две серёжки, две яхонки, две серебряных запонки, полежите малёшенько, пока я молодёшенька...» (пск.) [<http://druzhkovka-news.ru/instrumentalnye-i-horeograficheskie-tradicii/47/>]. Судя по контекстам, *яхонка* производна от обозначения драгоценного камня *яхонт* и называет «бусинку» яхонта. Если принять эту версию, то гидроним *Яхонка* реализует ту же модель, что и названия, образованные от основы *жемчуг*, ср. в топонимии Русского Севера: руч. *Жемчужный* — «Ключевая вода» (Шенк.), оз. *Жемчужное* — «Красиво, как жемчужинка» (Прим., Котл.).

Ростила

Одна фиксация: «И есть в чистом поле река-ростила и по той реке-ростиле стоят три дуба, вершинами свились и корнями сплелись; и так бы около меня, раба Божия (имрек), на пиру и на беседе, и на свадьбе, и на суду, и в купле, и в продаже, и в торговле князи и бояре, и судии, и вельможи, и все власти, и все православные христиана и иноверные языцы...» (Сольвыч.) [Ордин, л. 9 об.]. Это заговор на любовь людей, потому А. В. Юдин причисляет реку к волшебным помощницам [Юдин, 1997, 208].

Ономастический статус названия гипотетичен. В реальной топонимии источников не обнаружено. Есть, скажем, однокоренные названия населенных пунктов *Ростилово* (Гряз., Нерехт.), но они, скорее всего, имеют отантропонимическое происхождение.

Очевидно, перед нами фольклорный топоним, образованный от основы *расти*. Быть может, в названии отражен признак полноводности реки, ср. сочетания *река, вода растет* ‘прибывает’ [Даль, 4, 76]. Однако при такой интерпретации не учитывается значение «активного» суффикса *-ил-*. С учетом словообразовательной семантики можно предположить, что *ростила* — «та, которая выращивает»: по реке стоят три дуба, сплетенных ветвями (ср. слово с тем же словообразовательным значением: влг., вят., ср.-урал., тюмен. *ростило* ‘кадка, бочка и т. п., в которой проращивают семена’ [СРНГ, 35, 196]).

Аполевта

Этот загадочный гидроним встретился в двух текстах, причем второй из них (из собрания Н. Виноградова) представляет собой точную позднейшую копию первого (или другого текста, связанного с первым). Первый по времени текст: «Вы же, звери, бурья и красныя лисицы, серыя рыси, бусыя росомахи и юнчия звери, белые зайцы, не отпячивайтесь назад, не отворачивайтесь ни на правую руку, ни на левую: по правую руку течет огненная река Аполевта, синее море сзади вас, выстрицы нагоняют разиня рты, вас, звери, есть хотят; а вперед вам дана дорога по вашему лисьему следу...» [Ивановский, 1886, л. 5]. Самая явная ошибка, допущенная в этом рукописном тексте, исправлена в издании Н. Виноградова: слово *юнчия* заменено на *гончия* [Виноградов, 3, 17]. Наличие этой ошибки заставляет подозревать и другие. Вполне вероятно, что ошибочна также форма *выстрицы* (< *быстрицы*?), попавшая далее в [СРНГ, 6, 34], а затем получившая остроумное этимологическое толкование в [Аникин, 9, 199]. Еще более вероятно, что ошибочно подано и название реки *Аполевта*. Само по себе это слово имеет некие «греческие» ассоциации, но поиск возможного источника в греческом языке не дал результатов, как и поиск библейских прототипов. Чувство «этимологической беспомощности» перед этим словом поддерживается тем, что при его интерпретации у нас нет никакой системной поддержки: *огненная река*, служащая границей между «этим» и «тем» миром, часто фигурирует в заговорах

(как и в некоторых других жанрах фольклора), но нам не встретились тексты, где бы при этом эпитете было названо какое-либо имя.

Подведем итоги.

Сначала — об *именах морей* в заговорах Русского Севера.

Будучи самым частотным географическим объектом в восточнославянских (и севернорусских) заговорах, море при этом отстает от других объектов по количеству ИС, к нему относящихся (менее 15). Наиболее частотным ИС, как мы уже упоминали, является *Океан море* (сотни фиксаций), а остальные ИС отмечены в разы и десятки раз реже.

Высокая частотность *моря* вообще, *Океан моря* в частности, а также отдельных наиболее известных его эпитетов (*синее море*) объясняется исключительно тем, что море является объектом первого, внешнего круга так называемого сакрального, или мифологического, центра; мотив обращения в сакральный центр за помощью, в свою очередь, составляет сюжетную основу огромного количества восточнославянских заговоров самой разной функциональной направленности. *Океан море* представляет собой общефольклорное ИС, которое в равной мере характерно как для заговоров, так и для других жанров (былин, песен, духовных стихов и т. д.). Универсальный характер *Океан моря* обнаруживает себя и в том, что это ИС в равной мере присутствует в заговорах устных и рукописных, по своему объединяя эти две ветви вербальной магии Русского Севера. Очевидно, на территории Русского Севера, изобилующего большими и малыми озерами, *море (Океан море)* берет еще на себя функциональную нагрузку озер (последние практически не упоминаются в заговорных текстах).

Общефольклорным является и второе по частотности имя моря в севернорусских заговорах — *Хвалынское*. Остальные названия морей фиксируются от одного до десяти раз. Среди них чаще встречаются названия, основанные на цветообозначениях, а именно *Черное море* и *Белое море*, хотя в отношении первого из них далеко не всегда можно определить, идет ли речь о ИС или всего лишь об эпитете.

Частотность ИС морей в заговорах Русского Севера прямо пропорциональна количеству мотивов, в состав которых входят эти ИС. Для *Океан моря* мы отметили семь таких мотивов, для *Хвалынского* — четыре, остальные же встречаются, как правило, в составе одного-двух мотивов.

В отличие от ИС рек, среди которых весьма значительное место занимают названия, известные в реальной топонимии Русского Севера, названия морей тяготеют к типу фольклорных ИС. И только три ИС — *Белое море*, *Ледовитый океан*, *Кем море* — указывают на проникновение в заговорную традицию прецедентных топонимов, актуальных для исследуемого культурно-исторического региона. Кроме того, частотность упоминаний моря вообще и *Океан моря* в частности

в севернорусской заговорной традиции в целом выше, нежели в центрально-, западно- и южнорусской, что, скорее всего, отражает включенность соответствующих географических объектов (океана, моря, крупных озер) в реальную жизнь, фольклорное и языковое сознание жителей Русского Севера.

По сравнению с названиями гор и городов, о которых пойдет речь в следующей части нашего исследования, среди топонимов, обозначающих моря, библейские ИС, связанные с сакральной географией, отмечаются редко (например, *Тивериадское море*). Эти ИС характерны для рукописных заговоров и привносятся с собой в заговорную традицию сюжетные контексты и персонажей, восходящих к Священному Писанию.

Морские топонимы в заговорах могут появиться в результате метонимического переноса с обозначений других объектов — элементов ландшафта (*Асаф-море* — от названия горы, *Кем море* — реки) или персонажей (*Мугай-море* — от имени птицы). Для речных топонимов в заговорах такие метонимические переносы не характерны. Это подтверждает большую номинативную «самостоятельность» речных гидронимов: в сфере речной номинации модели являются более разработанными, и названия рек, как правило, сами служат источниками переноса.

Стоит отметить еще, что среди морских гидронимов встречаются наименования, образованные от этнонимов с диффузной семантикой или же появившиеся в результате народно-этимологического притяжения к таким этнонимам: *Варяжское море*, *Арапское море*. Это говорит о том, что для носителей языка моря имеют «этнический» масштаб, связываются со странами и народами.

Что касается *названий рек*, то их вдвое больше, чем морей: 30. Наибольшую роль в этой номинативной группе играют локальные прецеденты, и в этом основное отличие речного гидронимикона заговоров от морского (забегая вперед, можно сказать, что эта специфическая черта отличает речные гидронимы также от всех остальных классов заговорных топонимов). Очевидно, эта черта связана с особой ролью реки в культурно-языковой традиции Русского Севера, о которой речь шла выше. Таким образом, половина названий (15) — речные гидронимы Русского Севера, представленные как названиями крупных рек (*Онега*, *Мезень* и др.), так и рек «местного значения» (*Юза*, *Шорега*, *Шорда* и пр.). Оценивая корпус местных гидронимов, отраженных в заговорах, следует сказать, что это преимущественно архангельские названия. Почти в три раза реже, чем архангельские, встречаются вологодские гидронимы; нет ни одного карельского. Если говорить о внутренней географии Архангельской области, то прецеденты локализируются преимущественно в Подвинье и Поважье. Очевидно, это наблюдение позволяет говорить о локальной модели, определяющей участие в заговорах местных гидронимов. Из пяти прецедентов, локализующихся вне Русского Севера, один является библейским (*Иордан*), четыре — славянские и общерусские (*Дунай*, *Днепр*, *Волга* с притоком — *Которослью*). Таким образом, гидронимия

в заговорах Русского Севера в минимальной степени включает в свой состав библейские отсылки.

Шесть наименований являются фольклорными гидронимами: один — общефольклорный (*Смородина*), два гидронима встречаются, кажется, только в заговорах (*Рогоза*, *Лозокорь*), три — онимизированные эпитеты (*Матка*, *Чернавка*, (?) *Выстрая*). При этом любопытно, что половина фольклорных гидронимов (*Смородина*, *Рогоза*, *Лозокорь*) реализуют «флористическую» модель номинации (для *Смородины* — хотя бы на уровне вторичной мотивации).

Реки вообще, в том числе те, что наделяются в заговорах ИС, регулярно упоминаются в составе нескольких основных мотивов.

Некоторые из этих мотивов связаны с очистительным значением воды вообще и речной в частности и ее использованием в лечебных и очистительных практиках. Это прежде всего мотив «Как река оmyвает берега, коренья и т. д., так пусть она смоет с имярека недуг, сглаз и т. д.», активно присутствующий в заговорах от сглаза и порчи: «Я пойду покорюся, помолюся тебе, речка-нравочка <...> Как ты оmyваешь крутые бережочки, ракиковы кусточки, так же смой, ополощи с раба Божья (имя) все оговоры...» (Он.) [РЗЗ, № 2137].

Другие мотивы, в которых используются топонимы, обозначающие реки, разыгрывают тему движения вод в реке. Это, во-первых, мотив лечебных заговоров: «Как движется вода в реке (течет / сбегает / сносит лед и т. д.), так бы стекали / сбегали с имярека / скотины болезни, сглаз и т. д.» (см., например, *Днепр*); во-вторых, мотив охотничьих и рыболовецких заговоров: «Пусть звери в лесу / рыба стекают в ловушки / сети так же, как течет вода в реке» (см. *Пежма*, *Которосль*); в-третьих, мотив, уподобляющий эмоционально нейтральное движение воды в реке душевному состоянию человека или скотины: «Как река бежит, ни о чем не тужит / не тоскует, так пусть имярек будет избавлен от тоски и т. п.» (см. *Вага*).

Наконец, третью группу составляют мотивы, в которых река — в полном соответствии со своим статусом географического объекта — предстает как место разворачиваемого в заговоре действия. Здесь можно назвать довольно редкие примеры участия ИС рек в моделировании образа сакрального центра (обычно в заговорах от конкретных недугов, например кровотечения): «На море, на океане, на реке на Иордане, промежду им белый камень лежит. На камне сидит девица Соломонида, шьет-пошивает золотой иголкой, шолковой ниткой...» (Костр.) [Зимин, 1920, 79].

Наиболее же часто река как место действия предстает в отсушках или «остудных словах», направленных на разлучение влюбленных или супругов. Обычно это мотив «По реке плывет лодка, в ней сидят два чертенка; они бьются и дерутся, пусть так же бьются и дерутся имярек он или имярек она»: «Иду я в подвальное бревно, выхожу я на Дунай-реку. У Дунай-реки стоит лодка. В эту лодку садится чёрт и чертовка, вместе спинами, порознь лицами. Бьются, щипаются, до кровавых ран убиваются...» (Карг.) [РЗЗ, № 859]. Еще один мотив отсушек — «По реке плывет

лодка, в которой сидит некто страшный; пусть имярек он кажется имярек ей таким же ужасным и страшным». Трудно сказать, почему именно река и лодка на ней были выбраны традицией в качестве места действия многочисленных отсушек. Однако понятно другое: в качестве названий рек, фигурирующих в этих вредоносных заговорах, традиция никогда не использует сакральные ИС (такие, как *Иордан*), зато явно стремится наделить реку именем, имеющим негативные коннотации (*Ледь*, *Смордяная*, *Рогоза*), или соответствующим эпитетом (*черная*, *дегтяная*).

Примечательно, что названия рек, как и морей, в ряде случаев реализуют несколько мотивационных возможностей: например, *Ледь* — местный топоним, получающий в заговоре «ледяные» ассоциации, *Смородина* — фольклорный гидроним, имеющий, вероятно, как «запаховую», так и «флористическую» мотивировки. Особое место занимает при этом *Сия*: это, по всей видимости, местный топоним (называющий реальную реку в Архангельской обл.), получивший при этом сакральные ассоциации (связанные с деятельностью находящегося рядом монастыря) и обнаруживающий переклички с названиями, восходящими к библейскому *Сиону*.

Источники

- Аникин А. Е.* Русский этимологический словарь. М. : Рукописные памятники Древней Руси, 2007–. Вып. 1–.
- Белова О. В.* Славянский бестиарий. Словарь названий и символики. М. : Индрик, 2000.
- БП — Свод русского фольклора. Былины : в 25 т. Т. 1. Север Европейской России: Былины Печоры / отв. ред. А. А. Горелов. СПб. : Наука ; М. : Классика, 2001.
- Варенцов В.* Сборник русских духовных стихов. СПб. : Изд.-во Д. Е. Кожанчикова, 1860.
- Ведерникова Н. М.* От Егория до Покрова: скотоводческая обрядность на Кенозере // Актуальные проблемы полевой фольклористики. Вып. 3 / отв. ред. А. А. Иванова. М. : МГУ, 2004. С. 131–140.
- Виноградов Н.* Заговоры, обереги, спасительные молитвы и проч. (по старинным рукописям и современным записям) : в 3 вып. СПб. : Тип. М-ва путей сообщения (Т-ва И. Н. Кушнерев и К°), 1907–1909.
- Воскресенский В. А.* Из быта и поэзии крестьян Новгородской губ. / публ. Д. К. Зеленина // Живая старина. 1905. № 1–2. С. 1–56.
- ВОСП — *Канунова Р. С., Матсапаева Е. М., Епифанова К. В., Пименова М. В.* Владимирский областной словарь: лексика природы. Владимир : Изд-во ВлГУ, 2012.
- ВСВГ — Великорусские сказки Вятской губернии / сб. Д. К. Зеленина. СПб. : Тропа Троянова, 2002.
- Георгиевский М. Д.* Из народной жизни // Олонецкие губернские ведомости. 1890. № 77. С. 782–783.
- Гильфердинг — Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года : в 3 т. 4-е изд. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1949–1951.
- ГК — Голубиная книга. Русские народные духовные стихи XI–XIX веков / сост. Л. Ф. Солощенко, Ю. С. Прокошина. М. : Моск. рабочий, 1991.
- Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. 2-е изд. СПб. ; М. : Изд. М. О. Вольфа, 1880–1882 (1989).
- ДНАП — Добрыня Никитич и Алеша Попович / изд. подгот. Ю. И. Смирнов, В. Г. Смолицкий ; отв. ред. Э. В. Померанцева. М.: Наука, 1974.
- Едемский М. Б.* Свадьба в Кокшенье Тотемского уезда Вологодской губернии. СПб. : Тип. М-ва путей сообщения, 1911.

- Елтидинский С.*, священник, настоятель Каргинского прихода. Обход или спуск для скота // Олон. губ. ведомости. 1872. № 52. С. 586.
- Ефименко П. С.* Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии // Изв. Имп. О-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии при Имп. Моск. ун-те. Т. 30. Кн. 5. Вып. 2 : Народная словесность. М. : Типо-литография С. П. Архипова и Ко, 1878.
- Зимин М. М.* Ковернинский край (наблюдения и записи) // Труды Костр. науч. о-ва по изучению местного края. Вып. 17. Кострома : [б. и.], 1920. С. 1–81.
- Знатки — Знатки, колдуны и чернокнижники: колдовство и бытовая магия на Русском Севере / под общ. ред. А. Б. Мороза. М. : ФОРУМ ; Неолит, 2013.
- Иваницкий Н. А.* Материалы по этнографии Вологодской губернии // Изв. О-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии при Имп. Моск. ун-те. Т. 69. Труды этногр. отдела. Т. 11. Вып. 1. М. : Тип. т-ва А. Левонсон, 1890.
- Ивановский В. А.* Молитвы, заговоры и духовные стихи, записанные в гор. Онеге. 1886 г. // Архив Рус. геогр. о-ва. Р. 1. Оп. 1. Ед. хр. № 40.
- ИКУ — Из Кологривского уезда // Костр. губ. ведомости. 1865. № 30. С. 249–250.
- Кожырин Н.* Суеверия крестьян села Песчаного, Пудожского у. // Олон. губ. ведомости. 26.08.1900. № 100. С. 2; 28.09.1900. № 114. С. 2; 28.10.1900. № 127. С. 2; 31.10.1900. № 128. С. 2.
- КСГРС — картотека «Словаря говоров Русского Севера» (кафедра русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации УрФУ, Екатеринбург).
- Куликовский Г. И.* Словарь областного олонейского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб. : Тип. Имп. Акад. наук, 1898.
- Курец 2000 — Русские заговоры Карелии / сост., вступ. ст., примеч. Т. С. Курец. Петрозаводск : Изд-во ПГУ, 2000.
- Лиль-Адам Вильер де.* Деревня Княжая Гора и ее окрестности // Зап. Имп. Рус. геогр. о-ва по Отделению этнографии. 1871. Т. 4. С. 235–366.
- ЛКТЭ — лексическая картотека Топонимической экспедиции Уральского федерального университета (кафедра русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации УрФУ, Екатеринбург).
- Лосев С. А.* По пути // Олон. губ. ведомости. 1906. № 94. С. 3.
- Майков 1869 — Великорусские заклинания / сб. Л. Н. Майкова. СПб. : Тип. Майкова, 1869.
- Мансикка В.* Заговоры Шенкурского уезда // Живая старина. 1912. Вып. 1. С. 125–136.
- Мансикка В.* Заговоры Пудожского уезда Олонейской губернии // Sborník filologický (III. Trída České akademie věd a umění). 1926. Sv. 8. Č. 1. S. 185–233.
- Мардарьев Ив.* Хаос в вере // Олон. неделя. 1914. № 21. С. 13–15.
- МЭМ — Материалы экспедиции в д. Морозовица Великоустюжского района Вологодской области, 2011 (РГГУ, Архив Центра Марка Блока).
- НОС — Новгородский областной словарь / изд. подгот. А. Н. Левичкин, С. А. Мызников. СПб. : Наука, 2010.
- Ордин Н.* Заговоры, собранные в Сольвычегодском уезде // Архив Рус. геогр. о-ва. Разр. 7. Д. 44. Л. 9 об.
- ОЧ — Отреченное чтение в России XVII–XVIII веков / отв. ред. А. Л. Топорков, А. А. Турилов. М. : Индрик, 2002.
- Петрова 2007 — Из полевых записей А. М. Астаховой 1928 года (Заговоры на Мезени) / публ. и комм. Л. И. Петровой // Из истории русской фольклористики. Вып 7 / отв. ред. А. Н. Розов. СПб. : Наука, 2007. С. 184–223.
- Покровский П.*, учитель. Народное суеверие. Наговоры // Олон. губ. ведомости. 09.05.1873. № 36. С. 430–431.
- Постников Вс.* Знахарство, виды его и борьба с ним в Архангельской губернии // Изв. Арханг. о-ва изучения Русского Севера. 1909. № 5. С. 23–32.

- Преображенский — Этимологический словарь русского языка / сост. А. Преображенский : в 12 т. М. : Тип. Г. Лисснера и Д. Собко, 1910–1916.
- Пыщуганье. Традиционный фольклор Пыщугского района Костромской области / под ред. А. В. Кулагиной. Пыщуг : [б. и.], 2001.
- РЗЗ — Русские заговоры и заклинания / под ред. В. П. Аникина. М. : МГУ, 1998.
- РЗРИ — Русские заговоры из рукописных источников XVII — первой половины XIX в. / сост., подг. текстов, статьи и комм. А. Л. Топоркова. М. : Индрик, 2010.
- РК 5/2 — Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. Материалы Этнографического бюро князя В. Н. Тенишева. Т. 5 : Вологодская губерния. Ч. 2 : Грязовецкий и Кадниковский уезды. СПб. : Деловая полиграфия, 2007.
- РК 5/3 — Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. Материалы Этнографического бюро князя В. Н. Тенишева. Т. 5 : Вологодская губерния. Ч. 3 : Никольский и Сольвычегодский уезды. СПб. : Деловая полиграфия, 2007.
- РК 6 — Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. Материалы Этнографического бюро князя В. Н. Тенишева. Т. 6 : Курская, Московская, Олонецкая, Псковская, Санкт-Петербургская и Тульская губернии. СПб. : Деловая полиграфия, 2008.
- РО ИРЛИ — Институт русской литературы (Пушкинский дом). Рукоп. отдел (Санкт-Петербург). Романов Е. Р. Белорусский сборник : в 9 вып. Вып. 5 : Заговоры, апокрифы и духовные стихи. Витебск : Типо-литография Г. А. Малкина, 1891.
- Рыбников — Песни, собранные П. Н. Рыбниковым : в 4 т. СПб. : Тип. А. Семена, 1861–1867.
- СВГ — Словарь вологодских говоров : в 12 т. / под ред. Т. Г. Паникаровской. Вологда : Изд-во ВГПИ/ВГПУ, 1983–2007.
- СГРС — Словарь говоров Русского Севера / под ред. А. К. Матвеева. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2001–. Т. 1–.
- Севрин Д. Е. Вытегорская любительская охота // Вытегра : краевед. альманах. Вып. 3 / гл. ред. Е. А. Скупинова. Вологда : Русь, 2005. С. 126–145.
- СКД — Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым / подгот. А. П. Евгеньева, Б. Н. Путилов. 2-е изд., доп. М. : Наука, 1977.
- СЛПМ — Сказки и легенды Пушкинских мест / записи на местах, наблюдения и исслед. В. И. Чернышева ; подгот. к изд. Н. П. Гринковой и Н. Т. Панченко. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1950.
- СлРЯ XVIII — Словарь русского языка XVIII века / ред. С. Г. Бархударов. Л. ; СПб. : Наука, 1984–. Вып. 1–.
- Смилянская 2002 — Собрание нужнейших статей на всяку потребу («Суевренная книжица» из Библиотеки Казанского университета) / публ. Е. Б. Смилянской // Отреченное чтение в России XVII–XVIII веков / отв. ред. А. Л. Топорков, А. А. Турилов. М. : Индрик, 2002. С. 297–321.
- Соболевский — Великорусские народные песни : в 7 т. / изд. проф. А. И. Соболевским. СПб. : [б. и.], 1895–1907.
- Соколовы — Сказки и песни Белозерского края. Сборник Б. и Ю. Соколовых : в 2 кн. СПб. : Тропа Троянова, 1999.
- СРГК — Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей : в 6 т. / гл. ред. А. С. Герд. СПб. : Изд-во СПбГУ, 1994–2005.
- СРГКПО — Словарь русских говоров Коми-Пермяцкого округа / науч. ред. И. А. Подюков. Пермь : Изд-во ПОНИЦАА, 2006.
- Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам : в 3 т. СПб. : Отд. рус. яз. и словесности Имп. АН, 1893–1912.
- СРНГ — Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф. П. Филин, Ф. П. Сороколетов, С. А. Мызников. М. ; Л. ; СПб. : Наука, 1965–. Вып. 1–.
- ССРЛЯ — Словарь современного русского литературного языка : в 17 т. / под ред. А. А. Шахматова. М. ; Л. : Наука, 1948–1965.

- Тихонравов — Памятники отреченной русской литературы / собр. и изд. Н. Тихонравовым. М. : Тип. Каткова и К^о, 1863.
- ТЭ — топонимическая картотека ТЭ УрФУ (кафедра русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации УрФУ, Екатеринбург).
- Указатель 2011 — Восточнославянские заговоры : аннот. библиогр. указ. / сост. Т. А. Агапкина, А. Л. Топорков. М. : Индрик, 2011.
- Указатель 2014 — Восточнославянские заговоры : материалы к функциональному указателю сюжетов и мотивов. Аннотированная библиография / авт.-сост. Т. А. Агапкина, А. Л. Топорков. М. : Индрик, 2014.
- Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. М. : Прогресс, 1964–1973.
- ФНО — Фольклор Новгородской области: История и современность. По материалам фольклорного архива Новгородского университета за 30 лет / сост. О. С. Бердяева. М. : Стратегия, 2005.
- Харитонов А.* Из записок шенкурца // Отеч. зап. 1847. Т. 54. № 10. С. 148–156.
- Харитонов А.* Врачевание, забавы и поверья крестьян Архангельской губернии, уездов Архангельского и Шенкурского // Отеч. зап. 1848. Т. 58. № 5. С. 1–24.
- Цейтлин Г.* Знахарства и поверья в Поморье // Изв. Арханг. о-ва изучения Русского Севера. 1912. № 1. С. 8–16.
- ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков: праславянский лексический фонд / под ред. О. Н. Трубачева, А. Ф. Журавлева. М. : Наука, 1974–. Вып. 1–.

Исследования

- Агапкина Т. А.* Восточнославянские лечебные заговоры в сравнительном освещении: Сюжетика и образ мира. М. : Индрик, 2010.
- Агеева Р. А.* Пространственные обозначения в заговоре как типе текста (на восточнославянском материале) // Аспекты общей и частной лингвистической теории текста / отв. ред. Н. А. Слюсарева. М. : Наука, 1982. С. 132–159.
- Березович Е. Л.* Язык и традиционная культура: этнолингвистические исследования. М. : Индрик, 2007.
- Березович Е. Л.* Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте: Пространство и человек. 2-е изд., испр. и доп. М. : Либроком, 2009.
- Березович Е. Л.* Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте: Мифопоэтический образ пространства. 2-е изд., испр. и доп. М. : КомКнига, 2010.
- Бернштам Т. А.* Былины на Печоре // Свод русского фольклора. Былины : в 25 т. Т. 1. Север Европейской России: Былины Печоры / отв. ред. А. А. Горелов. СПб. : Наука ; М. : Классика, 2001. С. 79–145.
- Варбот Ж. Ж.* Исследования по русской и славянской этимологии. М. ; СПб. : Нестор-История, 2012.
- Васильев В. Л.* Славянские топонимические древности Новгородской земли. М. : Рукописные памятники Древней Руси, 2012.
- Гин Я. И.* Днепр — Непра — Лелепр: о поэтике гидронима в фольклоре и литературе // Язык русского фольклора : сб. науч. ст. / отв. ред. З. К. Тарланов. Петрозаводск : Изд-во. ПГУ, 1992. С. 109–116.
- Доровских Л. В.* Географические названия в русских народных сказках // Вопр. ономастики. Вып. 12 : Русская топонимия и географическая терминология / ред. А. К. Матвеев. Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1977. С. 26–48.
- Иванова А. А.* Река в культурном ландшафте севернорусской деревни // Природные стихии в русской словесности / отв. ред. А. И. Смирнова. М. : Ленанд, 2015. С. 22–32.
- Кабинина Н. В.* Субстратная топонимия Архангельского Поморья. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2011.
- Кондратьева Т. Н.* Собственные имена в русском эпосе. Казань : Изд-во Казан. ун-та, 1967.

- Кривоцапова Ю. А.* Образ Волги в русской языковой традиции // *Quaestio Rossica*. 2018. В печати.
- Макарова А. А.* Русская озерная гидронимия Белозерья: системно-функциональный аспект : дис. ... канд. филол. наук / Урал. федер. ун-т. Екатеринбург, 2012.
- Матвеев А. К.* Субстратная топонимия Русского Севера. Ч. 3. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2007.
- Мачинский Д. А.* «Дунай» русского фольклора на фоне восточнославянской истории и мифологии // *Русский Север: Проблемы этнографии и фольклора* / ред. К. В. Чистов, Т. А. Бернштам. Л. : Наука, 1981. С. 110–171.
- Минкин А. А.* Топонимы Мурмана. Мурманск : Мурман. кн. изд-во, 1976.
- Мочульский В.* Историко-литературный анализ стиха о Голубиной книге. Варшава : Тип. М. Земкевича, 1887.
- Путилов Б. Н.* Песня «Добрый молодец и река Смородина» и «Повесть о Горе-Злочастии» // *Труды Отдела древнерусской литературы*. Т. 12 / отв. ред. И. П. Еремич. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1956. С. 226–235.
- Строганов М. В.* Большая Волга в русском фольклоре // *Фольклор Большой Волги : сб. науч. ст. / сост. В. Е. Добровольская, И. В. Дынникова, А. Б. Ипполитова, М. В. Строганов*. М. : Роскультпроект, 2017. С. 310–329.
- Топоров В. Н.* Пространство и текст // *Текст: Семантика и структура* / ред. Т. В. Цивьян. М. : Наука, 1983. С. 227–284.
- Топоров В. Н.* Об иранском элементе в русской духовной культуре // *Славянский и балканский фольклор. Реконструкция древней славянской духовной культуры: Источники и методы* / отв. ред. Н. И. Толстой. М. : Наука, 1989. С. 23–60.
- Элиаде М.* Очерки сравнительного религиоведения / отв. ред. В. Я. Петрухин. М. : Ладомир, 1999.
- Юдин А. В.* Ономастикон русских заговоров. Имена собственные в русском магическом фольклоре. М. : МОНФ, 1997.
- Юдин А. В.* *Иордан и Дунай* в восточнославянском магическом фольклоре // *Вопр. ономастики*. 2004. № 1. С. 55–74.

Рукопись поступила в редакцию 01.10.2017

СОКРАЩЕНИЯ

В названиях языков и диалектов

амур.	русские говоры бассейна р. Амур	перм.	пермские говоры русского языка
арх.	архангельские говоры русского языка	пск.	псковские говоры русского языка
влг.	вологодские говоры русского языка	свердл.	свердловские говоры русского языка
вят.	вятские говоры русского языка	смол.	смоленские говоры русского языка
кемер.	кемеровские говоры русского языка	ср.-об.	среднеобские говоры русского языка
костр.	костромские говоры русского языка	ср.-перс.	среднеперсидский язык
ленингр.	ленинградские говоры русского языка	ср.-урал.	среднеуральские говоры русского языка
новг.	новгородские говоры русского языка	том.	томские говоры русского языка
обск.	русские говоры бассейна р. Обь	тюмен.	тюменские говоры русского языка

В названиях географических объектов

пастб.	пастбище
пож.	пожня
пок.	покос

В названиях административно-территориальных единиц

Арх.	Архангельская область (губерния)	Луж.	Лужский уезд Санкт-Петербургской губернии
Бабуш.	Бабушкинский район Вологодской области	Медв.	Медвежьегорский район Республики Карелия
Бел.	Белозерский район (уезд) Вологодской области (Череповецкой губернии)	Мез.	Мезенский район (уезд) Архангельской области (губернии)
Белом.	Беломорский район Карелии (побережье Белого моря в Олонецкой губернии)	Нерехт.	Нерехтский район (уезд) Костромской области (губернии)
В-Важ.	Верхневажский район Вологодской области	Ник.	Никольский район (уезд) Вологодской области (губернии)
Вел.	Вельский район (уезд) Архангельской области (Вологодской губернии)	Нянд.	Няндомский район Архангельской области
Вин.	Виноградовский район Архангельской области	Олон.	Олонецкая губерния
Влг.	Вологодская область (губерния)	Он.	Онежский район (уезд) Архангельской области (губернии)
Влгд.	Вологодский район (уезд) Вологодской области (губернии)	Пин.	Пинежский район (уезд) Архангельской области (губернии)
В-Т	Верхнетоемский район Архангельской области	Плес.	Плесецкий район Архангельской области
В-Уст.	Великоустюгский район (Великоустюжский уезд) Вологодской области (губернии)	Помор.	Архангельское Поморье
Выг.	Вытегорский район (уезд) Вологодской области (Олонецкой губернии)	Прим.	Приморский район Архангельской области
Вят.	Вятская губерния	Пск.	Псковская область (губерния)
Галич.	Галичский район (уезд) Костромской области (губернии)	Пудож.	Пудожский уезд Олонецкой губернии
Гряз.	Грязовецкий район (уезд) Вологодской области (губернии)	Пыщ.	Пыщугский район Костромской области
Заонеж.	Заонежский район Карелии	С-Двин.	г. Северодвинск, Северо-Двинская губерния
Кад.	Кадуйский район Вологодской области	Сок.	Сокольский район Вологодской области
Кадн.	Кадниковский уезд Вологодской губернии	Сольвыч.	Сольвычегодский уезд Вологодской губернии
Карг.	Каргопольский район (уезд) Архангельской области (Олонецкой губернии)	Сус.	Сусанинский район Костромской области
К-Б	Красноборский район Архангельской области	Тарн.	Тарногский район Вологодской области
К-Г	Кичменгско-Городецкий район Вологодской области	Тот.	Тотемский район (уезд) Вологодской области (губернии)
Кон.	Коношский район Архангельской области	Уст.	Устьянский район Архангельской области
Костр.	Костромская область (губерния), Костромской район (уезд)	Устюж.	Устюженский район (уезд) Вологодской области (Череповецкой губернии)
Котл.	Котласский район Архангельской области	Хар.	Харовский район Вологодской области
Лен.	Ленский район Архангельской области	Холм.	Холмогорский район (уезд) Архангельской области (губернии)
Леш.	Лешуконский район Архангельской области	Чаг.	Чагодощенский район Вологодской области

Чухл.	Чухломский район (Чухломской уезд) Костромской области (губернии)	Шенк.	Шенкурский район (уезд) Архангельской области (губернии)
Шексн.	Шекснинский район Вологодской области		

Прочие

ед. единичная фиксация
публ. публикатор
собир. собиратель

Агапкина Татьяна Алексеевна

доктор филологических наук, ведущий
научный сотрудник
отдел этнолингвистики и фольклора,
Институт славяноведения РАН
119991, Москва, Ленинский пр., 32а
E-mail: agapi-t@yandex.ru

Agapkina, Tatyana Alekseevna

DrHab, Leading Research Fellow
Department of Folklore and Ethnolinguistics
Institute of Slavic Studies of the Russian
Academy of Sciences
32a, Leninsky av., 119991 Moscow, Russia
E-mail: agapi-t@yandex.ru

Березович Елена Львовна

доктор филологических наук, член-
корреспондент РАН, профессор
кафедра русского языка, общего
языкознания и речевой коммуникации
Уральский федеральный университет
620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51,
ком. 306
E-mail: berezovich@yandex.ru

Berezovich, Elena Lvovna

DrHab, Corresponding Member of the Russian
Academy of Sciences, Professor
Department of Russian Language, General
Linguistics and Speech Communication
Ural Federal University
51, Lenin av., office 306, 620000 Ekaterinburg,
Russia
E-mail: berezovich@yandex.ru

Сурикова Олеся Дмитриевна

кандидат филологических наук, старший
научный сотрудник топонимической
лаборатории
кафедра русского языка, общего
языкознания и речевой коммуникации
Уральский федеральный университет
620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51,
ком. 306
E-mail: surok62@mail.ru

Surikova, Olesya Dmitrievna

PhD, Senior Research Fellow
Department of Russian Language, General
Linguistics and Speech Communication
Ural Federal University
51, Lenin av., office 306, 620000 Ekaterinburg,
Russia
E-mail: surok62@mail.ru

Tatyana A. Agapkina*

Elena L. Berezovich**

Olesya D. Surikova**

*Institute of Slavic Studies of the
Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia

**Ural Federal University
Ekaterinburg, Russia

TOPONYMS IN THE CHARMS OF THE RUSSIAN NORTH. I: SEAS AND RIVERS

The present paper is the first one in a series of articles focusing on the origins and functioning of place names in oral or handwritten charm texts attested in the Russian North, i.e. in the Arkhangelsk, Vologda, Olonets, and Kostroma regions. The paper examines the names of water bodies (seas and rivers) present in the charms. The analysis builds on the largest corpus of materials available to the modern folklore studies. In each toponym's description, the authors consider the following parameters: 1) variations of the name in the charms of the Russian North; 2) number of texts with reference to the toponym; 3) ties of the toponym with other names of geographical objects within a given text; 4) isofunctional toponyms; 5) folklore motives featuring the geographical object and its name; 6) representation of this name in other genres of folklore; 7) correlations with the real toponymy of the Russian North; 8) possible etymologies of the name. The authors distinguish between two main types of charm toponyms (for names with more or less transparent motivation) these are: precedent-related names with prototype outside the charm text (in real toponymy or the Holy Scripture: *Khvalyn sea, the Jordan river*), and folklore ones with no such precedents; the latter are divided into general folklore names (found not only in the charms, but also in other genres of folklore, such the *Currant river, Ocean sea*) and those specific to the charms, relevant only for this genre (*the Ragoza river*). It is symptomatic that in the analysis of names and objects belonging to different types researchers face different problems. For example, for biblical toponyms the most relevant problem is the one of establishing correlation between the charm name with the precedent-related toponym and the range of meanings and stories it accumulates. The names of rivers raise the question of the folklore toponym correlation with the real river names — Slavic and Russian river names, water bodies of the Russian North.

К е y o r d s : toponymy, hydronymy, language of Russian folklore, charms, the Russian North, semantic and motivational reconstruction.

Acknowledgements

The contribution of T. A. Agapkina and O. D. Surikova was supported by the Russian Science Foundation (project number 17-18-01373 “Slavic Archaic Zones in the European Space: Ethnolinguistic Studies”). The contribution of E. L. Berezovich was carried out within the project 34.2316.2017/ПЧ “The Volga-Dvina Interfluve and the Belozerye Area: History and Culture of Regions according to Linguistic Data” supported by the Russian Ministry of Education and Science.

The authors are grateful to Irma I. Mullonen and Anna A. Makarova for their valuable consultations.

- Agapkina, T. A. (2010). *Vostochnoslavianskie lechebnye zagovory v sravnitel'nom osveshchenii: Siuzhetika i obraz mira* [East Slavic Healing Spells in the Comparative Perspective: Plots and the Image of the World]. Moscow: Indrik.
- Ageeva, R. A. (1982). Prostranstvennyye oboznacheniiia v zagovore kak tipe teksta (na vostochnoslavianskom materiale) [Spatial Denominations and Toponyms in the Spell as a Type of Text]. In N. A. Sliusareva (Ed.), *Aspekty obshchei i chastnoi lingvisticheskoi teorii teksta* [Aspects of General and Specific Linguistic Theory of the Text] (pp. 132–159). Moscow: Nauka.
- Berezovich, E. L. (2007). *Iazyk i traditsionnaia kul'tura: etnolingvisticheskie issledovaniia* [Language and Traditional Culture: Ethnolinguistic Studies]. Moscow: Indrik.
- Berezovich, E. L. (2009). *Russkaia toponimiia v etnolingvisticheskom aspekte: Prostranstvo i chelovek* [Russian Toponymy in Ethnolinguistic Aspect: Space and Human] (2nd ed.). Moscow: Librokom.
- Berezovich, E. L. (2010). *Russkaia toponimiia v etnolingvisticheskom aspekte: Mifopoeticheskii obraz prostranstva* [Russian Toponymy in Ethnolinguistic Aspect: Mythopoetic Image of Space] (2nd ed.). Moscow: KomKniga.
- Bernshtam, T. A. (2001). Byliny na Pechore [Bylinas on the Pechora]. In A. A. Gorelov (Ed.), *Svod russkogo fol'klora. Byliny* [Russian Folklore Collection. Series Bylinas] (Vol. 1, pp. 79–145). Saint Petersburg; Moscow: Nauka; Klassika.
- Dorovskikh, L. V. (1977). Geograficheskie nazvaniia v russkikh narodnykh skazkakh [Geographical Names in Traditional Russian Fairytales]. In A. K. Matveev (Ed.), *Voprosy onomastiki* (Issue 12, pp. 26–48). Sverdlovsk: Izd-vo Ural. un-ta.
- Eliade, M. (1999). *Ocherki sravnitel'nogo religiovedeniia* [Essays on Comparative Religion]. Moscow: Ladomir, 1999.
- Gin, Ya. I. (1992). *Dnepr — Nepra — Lelepr*: o poetike gidronima v fol'klоре i literature [Dnepr — Nepra — Lelepr: On the Poetics of a Hydronym in Folklore and Literature]. In Z. K. Tarlanov (Ed.), *Yazyk russkogo fol'klora* [The Language of Russian Folklore] (pp. 109–116). Petrozavodsk: Izd-vo PGU.
- Ivanova, A. A. (2015). Reka v kul'turnom landshafte severnorusskoi derevni [The River in the Cultural Landscape of the Village of the Russian North]. In A. I. Smirnova (Ed.), *Prirodnye stikhi v russkoi slovesnosti* [Forces of Nature in the Russian Language and Literature] (pp. 22–32). Moscow: Lenand.
- Kabinina, N. V. (2011). *Substratnaia toponimiia Arkhangel'skogo Pomor'ia* [Substrate Toponymy of Arkhangel'sk Pomorye] Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta.
- Kondratyeva, T. N. (1967). *Sobstvennye imena v russkom epose* [Personal Names in the Russian Epic]. Kazan: Izd-vo Kazan. un-ta.
- Krivoshchapova, Ju. A. (2018). *Obraz Volgi v russkoi iazykovoi traditsii* [The Image of the Volga in the Russian Language Tradition]. *Quaestio Rossica* (in press).
- Machinskii, D. A. (1981). “Dunai” russkogo fol'klora na fone vostochnoslavianskoi istorii i mifologii [The Dunai of Russian Folklore Against the Background of History and Mythology of Eastern Slavs]. In K. V. Chistov, & T. A. Bernshtam (Eds.), *Russkii Sever: Problemy etnografii i fol'klora* [The Russian North: Issues in Ethnography and Culture] (pp. 110–171). Leningrad: Nauka.
- Makarova, A. A. (2012). *Russkaia ozernaia gidronimiia Belozer'ia: sistemno-funktional'nyi aspekt* [Russian Lake Names of Belozerye: Systemic and Functional Aspects] (Doctoral dissertation). Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia.
- Matveyev, A. K. (2007). *Substratnaia toponimiia Russkogo Severa* [Substrate Toponymy of the Russian North] (Vol. 3). Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta.
- Minkin, A. A. (1976). *Toponimy Murmana* [The Toponyms of Murman]. Murmansk: Murmanskoe kn. izd-vo.
- Mochulsky, V. (1887). *Istoriko-literaturnyi analiz stikha o Golubinoi knige* [A Historical and Literary Analysis of the Rime in the Book of the Dove]. Warsaw: Tip. M. Zemkevicha.

- Putilov, B. N. (1956). Pesnia “Dobryi molodets i reka Smorodina” i “Povest’ o Gore-Zlochastii” [The Song *The Brave Hero and the Smorodina River* and *The Tale of Woe and Misfortune*]. In I. P. Eremin (Ed.), *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury* [Proceedings of the Department of Old Russian Literature] (Vol. 12, pp. 226–235). Moscow; Leningrad: Izd-vo AN SSSR.
- Stroganov, M. V. (2017). Bol’shaia Volga v russkom fol’klore [The Greater Volga in Russian Folklore]. In V. E. Dobrovolskaya, I. V. Dynnikova, A. B. Ippolitova, M. V. Stroganov (Eds.), *Fol’klor Bol’shoi Volgi* [The Folklore of the Greater Volga] (pp. 310–329). Moscow: Roskul’tproekt.
- Toporov, V. N. (1983). Prostranstvo i tekst [Space and Text]. In T. V. Tsivyan (Ed.), *Tekst: Semantika i struktura* [The Text: Semantics and Structure] (pp. 227–284). Moscow: Nauka.
- Toporov, V. N. (1989). Ob iranskom elemente v russkoi dukhovnoi kul’ture [On the Iranian Element in the Russian Religious Culture]. In N. I. Tolstoi (Ed.), *Slavianskii i balkanskii fol’klor. Rekonstruktsiia drevnei slavianskoi dukhovnoi kul’tury: Istochniki i metody* [Slavic and Baltic Folklore. A Reconstruction of the Old Slavic Religious Culture: Sources and Methodology] (pp. 23–60). Moscow: Nauka.
- Varbot, Zh. Zh. (2012). *Issledovaniia po russkoi i slavianskoi etimologii* [Studies in Russian and Slavic Etymology]. Moscow; Saint Petersburg: Nestor-Istoriia.
- Vasilyev, V. L. (2012). *Slavianskie toponimicheskie drevnosti Novgorodskoi zemli* [Slavic Toponymic Antiquities of the Novgorod Land]. Moscow: Rukopisnye pamiatniki Drevnei Rusi.
- Yudin, A. V. (1997). *Onomastikon russkikh zagovorov. Imena sobstvennye imena sobstvennye v russkom magicheskom fol’klore* [Onomasticon of Russian Charms. Proper Names in Russian Magical Folklore]. Moscow: MONF.
- Yudin, A. V. (2004). *Jordan i Dunai v vostochnoslavianskom magicheskom fol’klore* [The Jordan and the Danube in East Slavic Magic Folklore]. *Voprosy onomastiki*, 1, 55–74.

Received 1 October 2017